

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

ЕРОФЕЙ ТРОФИМОВ

ШАТУН

ШАГ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

В ЭТОМ МИРЕ МАЛО КАЗАТЬСЯ СВОИМ...

Фантастический боевик. Новая эра

Ерофей Трофимов

Шатун. Шаг в неизвестность

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Шатун. Шаг в неизвестность / Е. Трофимов — «Издательство АСТ», 2024 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-159655-2

Как оказалось, в этом мире мало просто прижиться и казаться своим. Тут еще нужно научиться соблюдать все мыслимые и немыслимые условности, и это невзирая на дела, службу и войну. Вот и приходится Руслану делать все, чтобы окончательно стать своим. И одним из таких условий становится женитьба. Но для человека, который никогда не был женат, это очередной шаг в неизвестность...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-159655-2

© Трофимов Е., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Ерофей Трофимов

Шатун. Шаг в неизвестность

© Ерофей Трофимов, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Как они вернулись из того похода, Руслан не помнил. Всю дорогу провалился в фургоне без сознания. Пуля из штуцера ударила его вскользь чуть выше виска. Контузия, очередной шрам, потеря крови, но рана на самом деле оказалась не так и опасна. Гораздо тяжелее были ее последствия. Особенно в той части, что касалось контузии. Что ни говори, а пуля из нарезного штуцера штука тяжелая, и удар был сравни хорошему удару кувалдой, все так же вскользь. Периодически приходя в себя, Шатун глотал поданную денщиком Мишкой воду и снова впадал в забытие. Как потом выяснилось, из двадцати пяти человек без ранений обошлись только Мишка и один из ветеранов, что был взят в отряд кашеваром. Оба полагались больше на свое умение стрелять, чем на силу в рукопашной схватке, так что держались позади остальных и, как следствие, обошлись без очередных украшений на шкурах. Но была и хорошая новость. Бой тот прошел для отряда без потерь. Ран и порезов хватало у всех, были и трое тяжелых, которых в срочном порядке оперировал врач армянин, живший в ближайшем городке, но все обошлось. Преодолевав тошноту и сильное головокружение, Руслан объяснил Мишке, как пользоваться шприцем, и все поголовно получили по инъекции пенициллина. Это был главный секрет Руслана и панацея их отряда от всех ранений и болезней. Раны при перевязках присыпали стрептоцидом, так что обошлось даже без нагноений. В общем, как говорится, бог миловал.

Теперь осталось только вернуться в Пятигорск и привести себя в порядок. После той драки их даже не пытались задержать. Эриванская контрразведка в лице ее начальника понимала: отряд на данном этапе как боевая единица не существует. К тому же в бою были растраты все боеприпасы. Начиная от минометных мин и заканчивая патронами к револьверам. Про мины и гранаты и говорить не приходилось. Экономить нужды не было. Отряд дрался так, словно это был их последний бой. Впрочем, так оно и было. Их задачей было не пропустить турок в глубь своей территории и продержаться до того момента, когда к месту схватки подойдет местное ополчение. И они это сделали. От места боестолкновения у городка под названием Ахалкалаки отряд ушел через два дня. Когда раны немного поджили и появилась уверенность в том, что дорогу перенесут все. Доктора Мишка притащил в лагерь, заставив ехать под угрозой смерти. Размахивая револьвером, паренек разогнал и обывателей, и полицию и, усадив доктора в седло, приволок его в лагерь. Спорить с озверевшим казачком не рискнул никто. Да и желающих не было. Известие о драке обитатели городка получили еще до ее окончания и были уверены, что отряд будет просто уничтожен. Так что появление у дома доктора казака не стало для них большой неожиданностью. Гораздо больше их удивило известие, что хоть кто-то там остался жив.

До города они добирались около двух недель. Миновав заставу, казаки направили фургоны к дому командира. В очередной раз Руслан пришел в себя уже в своей собственной спальне. Рядом с кроватью, на стуле, клюя носом сидел Васятка. Полюбовавшись несколько минут русоволосой макушкой, Руслан негромко откашлялся, морщась от отдававшейся в голове боли, и мальчишка, тут же вскинувшись, с ходу спросил, вскакивая:

– Чего подать, княже?

– Водички, – хрипло попросил Шатун, с грехом пополам поворачивая голову.

– Вот. Холодная, недавно из колодца, еще не нагрелась, – бормотал малец, поднося к его губам глиняную кружку с водой.

«Это чего, в доме все чашки перебить успели, пока меня не было», – лениво мелькнула у Шатуна мысль, и только припав к посудине, он понял, что все сделано правильно. Широкая глиняная кружка была гораздо удобнее для подобного действия, чем фарфоровая чашка. Да и уронить ее было не страшно. Подобную посудину можно было купить на базаре буквально за копейки. Напившись, Руслан перевел дух и, дождавшись, когда голова перестанет кружиться, тихо спросил:

– Давно я тут?

– Второй день, как привезли, – грустно улыбнулся мальчишка.

– Все вернулись? – помолчав, осторожно уточнил Шатун, мысленно готовясь к самому плохому.

– Все, княже. Старые казаки уж молебн в церкви отстояли. Молитвы благодарственные читали и тебе здравицу пели, что всех вернуть сумел и супостата побил.

– Так это ж здорово, – нашел в себе силы улыбнуться Руслан. – А чего сам такой мрачный?

– Так ранетый ты, – тихо всхлипнул Васятка.

– Не ранетый, а раненый, – на автомате поправил его Шатун. – И не ранен, а контужен. Впрочем, хрен редьки не слаще. Угораздило же, – скривился он, осторожно касаясь пальцами повязки на голове.

– Не тронь, княже, – тут же подскочил мальчишка. – Дохтур баял, тебе теперь лежать долгонько придется. И повязку трогать никак нельзя.

– Да уж. С контузией шутки плохи, – нехотя согласился Шатун, опуская руку. – Рассказывай, какие новости в городе. И не говори мне, что не знаешь. Не поверю. Небось, Петьку гонял, пока меня не было.

– А чего его гонять, – пожал Васятка плечами. – Он и так все одно целыми днями то на паперти, то по базару шляется. Вот и заходит рассказать, чего услышал.

Эти странные взаимоотношения двух мальчишек Руслана давно уже удивляли, но вмешиваться он не спешил. Похоже, ребят все устраивало. Беспризорник Петя, промышлявший милостыней на паперти, ловко вынюхивал всякие странные слухи и пересказывал их Васятке, тот, в свою очередь, приносил ему с кухни остатки обедов и пересказывал все услышанное самому Руслану. К чему и зачем ребята выстроили эту схему, парень так и не понял, но она работала, так что ломать Руслан ничего не стал. Как оказалось, в городе даже после их отъезда все было тихо и спокойно. Эта новость была тем удивительнее, если вспомнить, что буквально рядом с заставой имелся еще один, стихийный базар, куда съезжались даже горцы из непримиримых кланов.

Но дни шли за днями, а на торгу все было тихо и спокойно. Более того, на том базаре даже воров не было. Само собой, и тут торговцы норовили обмануть покупателей, но все это воспринималось как само собой разумеющееся. Не хочешь быть осмеянным, не щелкай клювом. Так бывало на всех базарах и ярмарках во всех городах. Понимающе кивнув, Руслан принялся выспрашивать мальчика обо всем случившемся в городе. Понятно, что в чистые кварталы мальчишки старались не соваться, но, как известно, шила в мешке не утаишь, и если там что-то случалось, то буквально через пару часов об этом знали на базаре. К огромному удивлению Шатуна, у чистой публики дела шли гораздо хуже, чем у плебса. Были тут и пьяные дебоши, и интимные скандалы, и даже пошлый мордобой. Случилось также и несколько краж, но со всеми этими делами разбиралась полиция. Эти даже жандармов от дел оттерли. Из чего Руслан сделал вывод, что новое полицейское начальство решило реабилитировать себя перед большими дядями в Краснодаре.

Их неспешную беседу прервал граф Рязанов, бесшумно вошедший в комнату. Увидев, что Руслан пришел в себя и ведет вполне осмысленный разговор, майор истово перекрестился

на образа и, расстегнув верхние пуговицы кителя, что в обычной обстановке было бы немислимим, с легкой улыбкой приказал:

– Вася, сбегай на кухню. Скажи, чтобы нам сюда чаю подали.

Бросив на Руслана короткий вопросительный взгляд и получив едва заметный кивок в ответ, мальчишка соскочил со стула и мигом исчез за дверью.

– Как себя чувствуешь? – поинтересовался граф, присаживаясь.

– Как заплесневелая корка хлеба. Попробовали прожевать, да выплюнули, – едва заметно усмехнулся Шатун. – У тебя тут как?

– Твоими молитвами, тишь да гладь, да божья благодать. Нет, слово чести, так тихо в городе давно уже не было, – заверил парня майор. – Признаться, самому не верится, что это так, но с фактами не поспоришь. Даже горцы в город не суются. Все свои торговые дела на новом торгу решают.

– Я что-то тебя не пойму. Это хорошо или плохо? – удивленно уточнил Руслан, вопросительно глядя на приятеля.

– Для жизни хорошо. Даже очень. А вот для службы... Даже не знаю, – честно признался майор, задумчиво расправляя усы.

– Кури, Миша. Только окно открой, – понимающе усмехнулся Руслан. – Что там от начальства слышно, после нашей судьбоносной виктории?

– Молчит начальство, – развел майор руками. – Я всех казаков опросил и депешу отправил. Да и о твоём состоянии тоже отписался. Но пока молчок.

– Ладно. В любом случае отряд наш пока существует только на бумаге, – помолчав, вздохнул Шатун. – Боеприпаса нет, весь личный состав нуждается в лечении. Так что, если вдруг что, останется только шашками отмахиваться.

– Да уж, повоевали, – кивнул майор с некоторой растерянностью. – Расскажи мне кто, что два десятка смогут без малого полк турецкий уничтожить, я бы только посмеялся. А тут все доказательства налицо.

– Это какие? – не понял Шатун.

– А, ты ж не знаешь, – понимающе кивнул Рязанов. – Казаки твои, едва оправились малость, все фургоны и трофейных лошадей добром, что с турок сняли, загрузили. Коней почитай три десятка привели.

– Откуда кони-то? Турки ж пешком шли, – растерянno проворчал Руслан, пытаясь вспомнить детали.

* * *

– А я сказал, ты выйдешь за него! – крепкий кулак пожилого полковника с грохотом обрушился на столешницу, и она поняла, что перегнула палку.

Отец всегда потакал ей во всех ее начинаниях и проказах, защищая перед остальными родственниками, и прежде всего перед маменькой. Та, словно чуя свою вину, что не смогла одарить мужа наследником, и вообще сумев родить только один раз, с самого детства старалась держать дочь в ежовых рукавицах, но для отца она всегда была любимицей. Одной-единственной. И потому она с младых ногтей знала, что может из отца веревки вить. Достаточно было ласково улыбнуться и прижаться к нему, как все ее желания исполнялись словно по волшебству. Женился полковник Вяземский поздно и, потому, заполучив уже в серьезных годах на руки новорожденную дочку, враз превратился в сумасшедшего папашу. К ее услугам было всё. И собственная лошадь, и обучение всяческим, далеко не девичьим забавам, навроде стрельбы и фехтования саблей, и даже разрешение ездить в седле в мужском наряде. Последнее маменьку шокировало более всего. Подобный эпатаж женщина строгих правил всеми силами старалась пресечь, но из раза в раз натывалась на упрямство дочери и решительное непонимание со сто-

роны мужа. Не получив долгожданного сына, полковник обучал дочь тому, что должен был уметь любой уважающий себя офицер, дворянин и просто мужчина.

Так что Екатерина росла девочкой ловкой, сильной и отчаянно смелой. Ей даже однажды случилось драться на дуэли. Произошло это, когда на приеме у графа Лопухина одна из приглашенных особ осмелилась высмеять ее платье. Катерина не умела и не любила носить платья, но позволить кому-то смеяться над собой не могла. В итоге насмешница, схлопотав увесистую оплеуху, сгоряча пообещала устроить Катерине неприятности, на что девушка, ничтоже сумняшеся, предложила дуэль. Мода на женские поединки уже добралась из Европы и до российских палестин, но подобные схватки можно было пересчитать по пальцам. В общем, скандал был знатный. Убивать соперницу Катерина не собиралась, впрочем, как и та ее. Все закончилось несколькими порезами и срубленной у противницы косой. Такие удары ее научил наносить отец, и Катерина не посрамила его науку.

Но пришел срок, и к родителям сильной, стройной девушки стали присылать сватов. Полковник Вяземский был человеком обеспеченным и мог позволить себе выбирать. Благо приданое у его дочери было весьма солидным, да и семья его никогда не бедствовала. Вяземские всегда были хозяевами рачительными и к службе своей относились весьма серьезно. Так что выбор у Катерины был широкий. Но душа у девушки не лежала к сватавшимся молодым людям. В каждом из них она находила столько изъянов, что при их перечислении полковник хватался за голову и тут же прекращал все разговоры о свадьбе. Язычок у девицы был острый, а врожденное умение подмечать мелочи позволяло ей видеть то, чего другие просто не замечают.

Вначале все эти попытки сватовства забавляли ее, но уже после пятого раза она поняла, что эти пустые хлопоты начинают раздражать. Катерина была девушкой умной и понимала, что с мужчиной слабым жить просто не сможет. И уж тем более не сможет терпеть его самодурство и снобизм. Ей хотелось встретить человека сильного, умного, а главное, умеющего ее слышать и понимать. Как отец. И желательно, чтобы он имел отношение к военной службе. Так что очередного жениха, служившего по гражданской части, она без долгих разговоров зазвала на верховую прогулку и, заставив догонять себя, пустила своего любимого арабского жеребца в галоп. Жених вывалился из седла уже через несколько минут, пытаясь перепрыгнуть невысокий плетень следом за своей избранницей. В итоге его увезли из имения к доктору, а у Катерины состоялся не самый приятный разговор с папенькой. И вот теперь, стоя перед рабочим столом в его кабинете, девушка, упрямо насупившись, твердо отвечала:

– Можете сами на нем жениться, папенька, а мне этот слизняк и даром не нужен. Он же даже верхом ездить толком не умеет. Не говоря уже обо всем остальном. И как, скажите на милость, он станет честь мою защищать, ежели даже сабли в руках никогда не держал? Да бог бы с ней, с саблей. Он даже шпагой не владеет. И стрелять не умеет. Да поймите же, папенька, – надавила она, заметив, что отец, заметно остыв, все больше и больше мрачнеет, слушая ее, – я готова подчиниться вашей воле, но хочу, чтобы дети мои имели серьезного отца, а не размазню какую.

– И где я тебе такого возьму? – не удержавшись, мрачно хмыкнул полковник.

– Ну, вы же, папенька, откуда-то взялись, – тут же нашлась Катерина.

– Значит, предпочитаешь военных? – со странной интонацией уточнил отец.

– А вы разве, папенька, против? – насторожилась Катерина.

– Откровенно признаться, не знаю, как и сказать, – задумчиво протянул полковник. – Современные офицеры, они, так сказать, солдаты мирного времени. Из тех, что крови не лили и пороху не нюхали. Фанфароны, право слово.

– Да как же, папенька! Ведь война ж идет. А какая ж война без офицеров? – растерялась девушка.

– Так в том-то и штука, что толковые на фронте, а те, что здесь, и слова доброго не стоят, – развел полковник руками.

– Ну, не знаю. Намедни Лизанька Тарханова рассказывала, что сестрица ее, Наталья, царствие ей небесное, встретила на Кавказе офицера и влюбилась так, что аж и сказать страшно. Так он после ее смерти год траур держал. А ведь они даже помолвлены не были. Так, изредка виделись только. На приемах, да когда он по делам приезжал. Да и сама она с офицером помолвлена. Майор, граф Рязанов, Михаил Сергеевич. Слышали про такого? – невинно поинтересовалась девчонка, делая вид, что ответ ей вовсе не интересен.

– Рязанов? – задумчиво переспросил полковник. – Не слыхал. А по какому ведомству он там служит?

– Начальник отдела контрразведки города. И Натальи покойницы любый там же служит. Товарищем его. Князь Ростовцев, Руслан Владимирович. Штабс-капитан.

– Ростовцев?! – изумленно переспросил полковник. – Неужто Владимира сын в военные подался? Ну да. Все сходится. Тот Руслан Владимирович, а этот Владимир Иванович.

– Так ты его знаешь? – оживилась Катерина.

– Избави тебя бог, дочка, от такого знакомства, – скривился Вяземский. – Володька Ростовцев, хоть и титул высокий имеет, а все одно мот, бабник и жуир, каких поискать. Все наследство свое промотал да в карты спустил. Всей столице почитай должен. А теперь и вовсе пропал. Говорят, он тоже на Кавказ подался, да там и сгинул. Слухи ходят, горцы его зарезали. А яблочко от яблоньки, сама знаешь, недалеко падает, – с намеком закончил полковник.

– Не в этот раз, папенька, – решительно мотнула Катерина роскошной, смоляной косой. Масть эта досталась ей от прапрабабки, имевшей корни ажно из половецких степей. Так что и высокие скулы, и смоляная коса, и брови вразлет, и ярко-синие глаза делали девушку настоящей экзотической красавицей.

– Уж простите, папенька, но князь Тарханов не тот человек, который дочку за кого попало отдаст, – с напором продолжила она. – Да и Лизанька про того Ростовцева весьма хорошо отзывалась. А ей это никоим образом не интересно. У нее свой жених имеется.

– А ведь права ты, Катюша, – подумав, удивленно кивнул полковник. – Странно, что я про ту историю не слышал.

– Так ведь он из контрразведки, – быстро напомнила Катерина, которой история эта сразу запала в душу. Было в ней что-то, что заставляло девичье сердечко трепетать и сладко ныть от мечты о чем-то подобном. Но только, чтобы все живы были.

– А тебе что за дело до всей этой истории? – вдруг спросил полковник, лукаво прищурившись.

– Так ведь к слову пришлось, что есть еще в империи настоящие офицеры, – моментально выкрутилась Катерина.

– К слову, значит. Ну-ну, – ехидно хмыкнул Вяземский, решив про себя как следует все выяснить про эту историю.

Уже на следующий день его старый друг и сослуживец, генерал-поручик Еремин, рассказал, как оно все было на самом деле, и кто таков был тот самый штабс-капитан Ростовцев. Выслушав его рассказ внимательно, полковник удивленно покачал головой и от избытка чувств, пристукнув ладонью по столу, азартно спросил:

– Выходит, есть еще настоящие офицеры в государстве нашем?

– И уж тем более это удивительно услышать про такую фамилию, – кивнул в ответ Еремин. – Вот не поверишь, Павел Лукич, я глазам своим не верил, когда депеши те читал. Хотя, пожалуй, удивляться тут нечему. Вьюнош тот не отцом воспитывался.

– А кем же? – насторожился полковник.

– Неизвестно. Вся штука тут в том, что о нем вообще мало чего известно. Знаю только, что он долгое время за границей жил, а после, когда вернулся, был папашей своим признан как законный княжич и наследник рода. Там контрразведка с этим делом суежилась.

– А им-то оно зачем? – не понял Вяземский.

– Не знаю, – снова качнул генерал головой. – Но, похоже, нужно им так было. Для дела. А самое главное, его из-за границы сразу на Кавказ отправили. Там он и объявился, уже офицером в звании поручика.

– Это что ж такое получается? – принялся рассуждать Павел Лукич. – Службу он начал рано и под другим именем, а после, когда надобность возникла, ему все полагающиеся регалии выписали и официально обществу представили? Уже серьезным офицером?

– Так и есть, – в который уже раз кивнул генерал.

– Странная история, – задумался полковник.

– И тем более странная, что контрразведка все бумаги о нем в огромном секрете держит, – добавил Еремин. – Уж не знаю, что там у него было и чем он занимался, но только на Кавказе он объявился поручиком и весь в шрамах. А это, сам понимаешь, о чем-то да говорит.

– Знать бы еще, о чем, – задумчиво хмыкнул полковник.

– Бывают дела, Павел Лукич, о которых нам лучше бы и не знать, – помолчав, высказался генерал. – Целее будем.

– Выходит, и от гнилой ветви можно хороший плод получить, – неожиданно выдал полковник.

– Выходит, можно. А теперь, дорогой мой друг, объясни, с чего вдруг у тебя такой интерес к этому княжичу возник? – решительно потребовал генерал объяснений.

– Откровенно сказать, я и сам толком не знаю, – смутился Вяземский. – Просто Катерина моя очередного жениха так отделила, что и сказать страшно. Ты ж знаешь, она у меня в седле, что тот улан держится. А тут новый жених выискался. Ну, она его на верховую прогулку и потащила. А тот в седле, как собака на заборе. В общем, расшибся.

– Ох, уморил! – сквозь смех простонал Еремин. – Это ж надо. Девушка парня обскакала. Тоже мне жених. И чего? А кавказцы те тут при чем?

– Да я в сердцах принялся шашкой махать, вот Катерина мне и рассказала, что княжна Тарханова ей поведала, что за офицеры на том Кавказе служат. Вот я и заинтересовался. Уж больно история та странной выглядела. Тем более что и фамилия известная.

– Угу, еще как, – помрачнев, усмехнулся генерал. – Не приведи господи такой шлейф за собой тянуть.

– Погоди, так ведь если старший Ростовцев сгинул, то заимодавцы те теперь кинутся с наследника долги требовать, – вдруг сообразил полковник.

– Ага, как же. Для того придется на Кавказ ехать. К тому же в наследование княжич не вступал. Да и нечего там наследовать. Регалии семейные ему через контрразведку отправили, вот и все наследство. А все имущество, что в столице было, теперь на торги выставлено.

– Выходит, у парня, кроме титула да личных печатей, и нет ничего? – изумился Вяземский. – Как же тогда князь Тарханов хотел за него дочку отдать? Уж он-то обо всем этом давно знать должен.

– А он и знал, – пожал генерал плечами. – Да только молодой княжич решил все с чистого листа начать. От семьи – только титул да фамилия. А все остальное – сам. Уже и землю под имение выслужил. Дом ставит.

– Все там же, на Кавказе? – быстро уточнил полковник.

– А где ж еще? – удивился генерал. – Это там он в почете, а здесь ему от кредиторов житья не будет. Да и не поверят тут, что он совсем не старший Ростовцев.

* * *

Приезд в Пятигорск князя Тарханова в очередной раз встряхнул местное общество, заставив всех чиновников и карьеристов насторожиться. Но к всеобщему возмущению, пер-

вым делом князь нанес визит не городскому голове, как это было принято, а лично какому-то штабс-капитану. Хотя говорить «какому-то» могли себе позволить только особо отчаянные. Что это за штабс-капитан и что он может сделать, было известно всем и каждому в городе. Для самого Руслана, а также для графа Рязанова и всех домочадцев появление столь высокопоставленной особы оказалось полной неожиданностью. Сам Шатун, уже немного придя в себя после контузии, кое-как ползал по дому, проклиная все на свете и тихо ненавидя это состояние отчаянной беспомощности. И хотя это ранение для него было далеко не первым, от этого было не легче. Так что, увидев входящего в кабинет князя, парень принялся тяжело подниматься из-за стола, на что князь, истово замахав руками, приказал:

– Даже и не думай вскакивать. Не на плацу.

– Вот уж не ожидал вас тут снова увидеть, Петр Иванович, – выбравшись из-за стола, обнял несостоявшегося тестя Руслан. – Рад. Весьма рад. Прошу, – указал он на кресло у стола. – Чаю, или прикажете покрепче чего?

– Рано для крепкого, – отмахнулся Тарханов. – Прикажи чаю подать.

– Васятка! – негромко окликнул Руслан своего маленького посыльного.

Мальчишка возник в кабинете словно из воздуха. Поклонившись князю, Васятка вопросительно посмотрел на парня, продолжая краем глаза следить за гостем.

– Не окосей от любопытства, – не удержавшись, поддел его Руслан. – Сбегай на кухню, скажи, пусть чаю спроворят. Ну, и к чаю чего.

– Мишка уже самовар поставил, – кивнул мальчишка и, ехидно усмехнувшись, поинтересовался: – Может, еще чего?

– Это что у тебя за сорванец? – иронично поинтересовался князь.

– Сирота. На посылках у меня служит, – хмыкнул в ответ Руслан.

– Тогда сбегай-ка ты, Васятка, к майору Рязанову и передай, что его желает князь Тарханов у него дома видеть. Сумеешь? – пряча усмешку, уточнил Петр Иванович.

– А чего там уметь? – не понял мальчишка. – Я к Михал Сергеичу уж сколько раз бегал, – пожал он плечами и, заметив показанный Русланом кулак, выскользнул за дверь.

– Дерзкий, – одобрительно усмехнулся князь. – Учишь его чему?

– Пока только грамоте и атлетике. Пусть слегка мяса нарастит, – отмахнулся Руслан. – Случилось опять чего, Петр Иванович? – осторожно уточнил он на всякий случай.

– Слава богу, нет, – широко перекрестился князь. – В этот раз я тут с добрыми вестями. Вот сейчас друга твоего дождемся и приступим, помолясь, – загадочно усмехнулся он.

«Ладно, подождем», – подумал Руслан, кивая и бросая задумчивый взгляд на широкую кожаную сумку, напоминавшую портфель, с которой князь и вошел в кабинет. Судя по ее объему, там были не только бумаги. Мишка принес все нужное для чаепития и, выставив на стол небольшой самовар, вопросительно посмотрел на него.

– Рядом будь, – коротко скомандовал Руслан, жестом отпуская его и подхватывая чашку нежданного гостя, чтобы наполнить ее.

Чай они пили не спеша, со вкусом, запивая напитком свежую выпечку. Осилив две чашки, Тарханов отказался от третьей и, утирая лицо от испарины чистейшим платком, добродушно проворчал:

– Ох, упарился. И как ты такой кипяток пить умудряешься?

– Казаки приучили, – едва заметно улыбнулся Руслан.

– Я тут намерен с губернатором в столицу кататься, – неожиданно начал князь. – К его величеству на доклад. И должен сказать, многое мне после той поездки понятно стало.

– И что именно вы поняли? – насторожился Шатун.

Ответить князь не успел. Дверь распахнулась, и в кабинет широким шагом стремительно вошел граф Рязанов. Бросив фуражку на диван, он вежливо поклонился гостю и, присев к столу, настороженно уставился на князя, явно ожидая плохих новостей.

Понимающе кивнув, Тарханов поднял свою сумку и, положив ее на колени, продолжил:

– Так вот, понял я после той поездки, что вы, мальчики, и генерал-губернатора, и меня спасли. Как есть спасли. История та, с заговором, серьезные последствия имела. Мы ведь лично императору серьезную депешу отправили, с указанием «лично в собственные руки». А такие документы в канцелярии вскрывать права не имеют. Их лично его величество вскрывает. И генерал-губернатор на послание подобных депеш полное право имеет. Чем мы и воспользовались. В общем, о заговоре том император узнал, что называется, из первых рук, после чего кое-кому при дворе крепко не понравилось. Ну, да это наши дела, и вас они не шибко касаются. А теперь о том, что касается лично вас. Мы с его высокопревосходительством долго думали, чем отблагодарить вас, мальчики, за службу верную и спасение наших старых дурных голов. Да-да, именно что дурных. Под собственными носами заговора не заметили. Стареем. Оба. Ну да бог с ним. Я это все к чему. После всего вами сделанного решили мы с генерал-губернатором сделать все, чтобы после ухода нашего в отставку вам было за что нас добром помянуть. А посему извольте, мальчики мои, – торжественно улыбнувшись, князь открыл сумку и принялся доставать из нее коробочки и бювары с бумагами.

По итогу этого пролившегося звездного дождя оба приятеля стали полными кавалерами ордена Святого Георгия, получили по Анне и Владимиру первой степени и по банковскому векселю на десять тысяч рублей каждому. Малость обалдев от наград, приятели растерянно вертели в руках коробочки с орденами, задумчиво переглядываясь между собой. Но как оказалось, это было еще не все. Все два десятка казаков, служивших по их ведомству, также были награждены Георгиевскими крестами. Генерал Татищев, по долгу службы имевший полный списочный состав приданного службе подразделения, выписал наградные листы на всех. Без исключения. Выложив на стол должное количество наград и соответствующих бумаг, князь понимающе усмехнулся, заметив состояние друзей, и, подмигнув Рязанову, негромко напомнил:

– Вот теперь награды и обмыть можно.

– Сейчас, – опомнился майор и, вскочив, вышел из кабинета. Распорядиться.

– Скажи мне, Руслан, ты такого полковника Вяземского случаем не знаешь? – повернулся князь к парню.

– И слыхом не слышал, – качнул Руслан головой, перебирая награды.

– А про генерал-поручика Еремина? – не унимался князь.

– Тоже.

– Странно, – удивленно проворчал Тарханов. – Люди генерала о тебе и папаше твоим справки наводили. Все до последней сплетни собрали.

– Зачем? – не понял Руслан, вырвавшись из своих размышлений.

– Вот и я думаю, зачем, – хмыкнул князь в ответ. – И ведь тут вот такая штука. Их обоих я знаю хорошо. Да и Татищев тоже. Но оба они не по вашему ведомству служили. Еремин пехотой командовал, а Вяземский кавалерист от бога.

– А кем сейчас тот генерал служит? – задумчиво уточнил парень.

– При дворе инспекцией по армейским делам ведает, – пожал князь плечами.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – откровенно признался Руслан. – Был бы он по артиллерийской части, я б его интерес понял. А пехота... – Шатун растерянно покрутил головой, машинально поморщившись от вспыхнувшей в ране боли.

– И самое странное, что интерес этот возник сразу после встречи дочери полковника Вяземского с моей Лизанькой, – помолчав, добавил князь.

– Еще веселее, – растерянно фыркнул Руслан. – А девчонки тут каким боком?

– Сам ничего не понимаю, – буркнул князь в ответ. – Решил поначалу, что ты с кем-то из них как-то дело имел. Но раз нет, то уж не знаю, что и думать.

– Вот ей-богу, Петр Иванович, ни сном, ни духом, – заверил Руслан, широко перекрестившись.

– Да верю я тебе, верю, – поспешил успокоить его Тарханов. – Ладно, время покажет, что к чему. Я там кое-кого попросил присмотреть за этой парочкой. Они хоть и старики, а дел сгоряча наворотить могут таких, что не враз и разгребешь. Боевые офицеры. Настоящие.

– Выходит, подозревать их в работе на кого-то нет смысла? – помолчав, прямо спросил Руслан.

– Господь с тобой, сынок, – отмахнулся Тарханов. – Не те люди.

– Ну и слава богу. А то, признаться, я устал уже в служивых разочаровываться, – признался Шатун. – Я так понимаю, вы их обоих хорошо знаете?

– И служить вместе доводилось, и воевать, – кивнул князь.

Вернувшийся Рязанов ловко разлил по бокалам коньяк, и собравшиеся дружно приложились к напитку, обмыв нежданные награды. Руслан, по причине контузии, свой бокал только пригубил. Поставив тару на стол, он дождался, когда приятель закусит коньяк лимоном, и осторожно поинтересовался, не известны ли ему такие люди, как полковник Вяземский и генерал Еремин. Чуть подумав, майор только отрицательно мотнул головой.

– Фамилии известные, но по делам никак не сталкивался, – решительно заверил граф. – А с чего вдруг такой интерес?

– Это у них ко мне какой-то интерес, – проворчал в ответ Руслан, задумчиво потирая пальцами повязку, под которой крепко чесался новый шрам.

– Думаю, тут дело в твоём оружии, – помолчав, высказался Рязанов. – Они оба боевые офицеры и на такую новинку просто не могут внимания не обратить.

– Все равно странно. К ГАУ они никаким боком отношения не имеют, а значит, интерес может быть только личный, – возразил Шатун.

– А ты уже готов и тут заговор искать, – поддел его граф, пряча улыбку в уголках губ.

– Здоровая паранойя значительно продлевает жизнь, – фыркнул Руслан в ответ.

– Мальчишки, вы когда собираетесь новоселье праздновать? – неожиданно сменил Тарханов тему.

– Так строимся, – развел Руслан руками. – Сами знаете, Петр Иванович, дело это не быстрое.

– Это верно, – удрученно вздохнул князь, бросив на Рязанова быстрый взгляд.

– Михаил, а тебе не кажется, что при нынешнем положении вещей тебе пора уже сделать шаг и попросить у его сиятельства руки его дочери? – сообразив, к чему был вопрос, спросил Руслан, глядя на приятеля серьезным взглядом.

– Я совсем не против, скорее, наоборот, но, как ты сам только что сказал, стройка дело не быстрое, – крепко смутившись, ответил граф, чуть заикаясь от волнения.

– Ну, теперь-то она быстрее пойдет, – не уступил Руслан, выразительно потрянув своим векселем. – Так что хватит кота за хвост тянуть, друг любезный. Пользуйся случаем и вперед, – подтолкнул он друга, кивая на князя.

– Ваше сиятельство... – поднявшись, начал Рязанов чуть дрогнувшим голосом.

– ...Да забирай уже, – отмахнулся Тарханов, не дожидаясь продолжения.

– Ваше сиятельство, Петр Иванович, я хоть и надеялся... – Михаил запнулся, но князь снова не дал ему договорить.

– Граф, ты боевой офицер, а ведешь себя, словно девица в казарме. Сядь уже. Я ж тебе, Фома неверующий, свое благословение давно уже дал. Так что собирайся. Со мной в Краснодар поедешь. К Лизаньке. А по осени и свадьбу сыграем. Уж прости, но очень мне внуков понянчить хочется, – чуть смутившись, неожиданно признался Тарханов.

– Благодарствую, Петр Иванович, – растерянно улыбнулся граф.

– Уж кому как не тебе будущее дочери своей я доверить могу? – развел князь руками. – Эх, Тотошеньки моей нет боле, а то разом бы две свадьбы сыграли, – чуть слышно всхлипнув, закончил он.

– Простите, Петр Иванович, не уберег, – вздохнул Руслан в ответ.

– Господь с тобой, сынок, – отмахнулся Тарханов. – Нет тут твоей вины. Ты уж прости старика, что я так, по больному, но мне и вправду жаль. Мы б с вами еще таких дел наделали...

– Так я вроде еще не помер, – развел Руслан руками. – Вы только скажите, что нужно, а дальше мы сообразим.

Рязанов, погруженный в свои мечты, только согласно кивнул, поддерживая приятеля.

– Спаси Христос, мальчики. Знаю я, что во всем на вас положиться могу, – благодарно кивнул Тарханов. – Но и вы знайте. Случись беда какая, сразу ко мне езжайте. Ничего не пожалю. Слово даю, – заверил князь, поочередно пожимая приятелям руки.

* * *

Доктор отложил деревянную трубочку, которой слушал дыхание полковника, и, несколько раз встряхнув кистями рук, попросил пациента обнажить живот. Помяв брюшину, врач велел полковнику открыть рот и высунуть язык. Примерно с минуту поизучав его, врач кивнул и, вздохнув, устало произнес:

– Язвенная болезнь у вас, ваше высокопревосходительство. Придется соблюдать умеренность в еде, исключить все острое, жирное, а также жареное и печеное.

– Да я ж сдохну! – тут же возмутился Вяземский и, скривившись, снова ухватился ладонями за живот.

– И постарайтесь поменьше волноваться, – все тем же ровным, менторским тоном продолжил врач.

– Неужто нет никакого лекарства? – робко уточнила супруга полковника.

– Лечение сей болезни длительно и трудно, – развел врач руками. – Язва, она язва и есть. И не важно, где она выскочила. На коже или в желудке. Было бы неплохо съездить на воды, за границу. В Германию или во Францию, но это уже от вашего решения зависит.

– А что, поближе воды нигде не имеется? – сварливо поинтересовался полковник. – У нас вон, в роще ключ имеется, вода до того холодная, что ажно зубы сводит.

– Там воды необычные, – стоически вздохнул врач. – Так называемые серные. Очень даже полезные для человеческого организма. А поближе... Есть и поближе. На Кавказе, к примеру. Но там сейчас война, осмелюсь напомнить.

– Нет на Кавказе войны, – продолжал ворчать Вяземский, упрямо набычившись. – С турками у нас война. А Кавказ, это порубежная часть нашей с вами, сударь, империи. Да, там бывает и постреливают, не без того, но войны там нет.

– А когда постреливают, это еще не война? – иронично уточнил врач.

– Нет. На охоте тоже бывает постреливают, но войной это никто не называет, – злорадно отозвался полковник.

– Ну, вам решать, – решил прекратить бесполезный спор врач. – Вы только на меня после зла не держите, ежели случится чего, – ехидно добавил он.

– Я что-то в толк не возьму, доктор. Вы меня, боевого офицера, стрельбой напугать хотите? – окончательно рассвирепел полковник.

– Да господь с вами, Павел Лукич, – тут же открестился доктор. – Это для меня любая стрельба словно ножом по сердцу. Уж поверьте, слишком хорошо мне известно, сколько всяких глупых ранений случается, когда господа по пьяному делу начинают с оружием удаль свою показывать.

– Понятно, – сделав над собой усилие, кивнул Вяземский. – Еще чего скажете, или только в еде мне ограниченным быть?

– Пока только так, – кивнул врач, поднимаясь.

– Благодарю, – холодно попрощался полковник и отвернулся в сторону, делая вид, что его там что-то заинтересовало.

Супруга полковника незаметно вложила в ладонь врача купюру в три рубля и отправилась провожать его до коляски, а крутившаяся тут же Катерина, присев на край кровати, ласково погладила отца по плечу и, тихо вздохнув, осторожно спросила:

– Сильно болит, папенька?

– Терпимо, – буркнул полковник, оттаивая на глазах.

– Может, вам и вправду послушать доктора и съездить на воды? – нейтрально предложила девушка.

– За границу не поеду, – отрезал Вяземский, тут же снова начиная злиться.

– Да кто ж про за границу говорит? – тут же выкрутилась девчонка. – Поедемте, папенька, на Кавказ. Слышала я, что воды там и вправду целебные. А что стреляют, так нам ли того бояться? К тому же и там люди живут. Вон, давеча Лизанька Тарханова рассказывала, что от них всякие болезные то и дело здоровыми уезжают. А они там все время живут. А Тархановы семья известная. Княжеский род. Могли бы уж давно в столицу перебраться, коль было б желание. Лизанька вон против наших местных девиц словно амазонка. Так здоровьем и пышет.

– А ты, егоза, никак со мной туда намылилась, – проворчал полковник, давно уже уловивший причину этих ее уговоров.

– А как иначе, папенька? Кто за вами в дороге присмотрит? Кто воды подаст, за прислугой проследит? – тут же нашла сотни причин Катерина.

– А мать, значит, на хозяйстве оставим? – задумчиво поинтересовался Вяземский.

– Ну, кому-то надо тут за делами приглядеть.

– Тоже верно. Ладно, подумаю, – не стал ничего обещать полковник, но Катерине и этого было достаточно. Пряча улыбку в уголках губ и бесенят в глазах, она быстро поцеловала отца в гладко выбритую щеку и выскочила из его спальни.

– Вот ведь непоседа, – еле слышно буркнул Вяземский, провожая свою любимицу долгим взглядом. – Эх, ей бы мальчишкой родиться, офицер бы вышел любо-дорого. А так получается, ни богу свечка, ни черту кочерга. И кто ее возмет, с таким-то характером.

Вернувшаяся жена присела на стул рядом с кроватью и, окинув мужа задумчивым взглядом, негромко спросила:

– Рассказывай, Павлуша, чего решил.

– Да чего тут рассказывать, – отмахнулся полковник. – Доктор все про за границу твердит, да только долго это и дорого. Катька, вон, на Кавказ тянет. Да только там и вправду бывает, что разбойники местные шалят. Вот и думай тут, куда лучше.

– Ну, то, что Катерине на Кавказ загорелось, оно понятно. Ей княжна Тарханова про те места все уши прожужжала. Но слыхала я, что там и вправду люди излечиваются. А разбойники... так их и тут хватает.

– Права ты, Марфуша, – помолчав, вздохнул Вяземский. – Со всех сторон права. Да и не страшны мне те разбойники. Вон, пару пистолей возьму да ружье. Припасу огненного да свинца побольше, вот и вся недолга. Ну и Катерине, само собой, такой же набор. Поди возьми нас.

– Да ты никак решил и ее с собой тащить?! – вдруг возмутилась супруга.

– А что делать прикажешь, милая, – развел полковник руками. – Кто за слугами присмотрит? Кто мне поможет, коль снова плохо станет? Нет, Марфуша, в такую дорогу одному ехать – проще сразу прямо тут отходную заказать. Вот ведь незадача, – скривился он, потирая ладонью живот. – Совсем старый стал. Болячка одолела.

– Не гневи бога, Пашенька, – осадила мужа Марфа Ивановна. – Мы с тобой добрую жизнь прожили. Бурную. А уж тебе и подавно жаловаться грешно. И воевал, и стране честно служил. А что заболел, так это с каждым случиться может.

– Так что, отпустишь Катьку со мной? – помолчав, прямо спросил полковник.

– А что с вами поделаешь? – вздохнула женщина. – Все одно она к тебе всегда больше тянулась. Езжайте уж.

– А может, вместе? – чуть подумав, предложил Вяземский. – Оставим все на управляющего, да и поедем. Он хоть и шельма, но человек верный. Справится.

– Нет уж. Сначала вы поезжайте. Вот оправишься, тогда и я, может, приеду, – подумав, решительно заявила Марфа Ивановна.

– Возок покупать придется, – вдруг вспомнил полковник. – Раньше Рождества все одно не выехать.

– Нашел, о чем думать, – отмахнулась супруга. – Ленке велю, хоть завтра тебе возок пригонит. Благо в городе мастеров хватает.

Имение Вяземских располагалось за Гатчиной, так что в словах Марфы Ивановны имелся смысл. Доехать до Петербурга и купить зимний возок было небольшой проблемой. Поднявшись, она поцеловала мужа в седой висок и, быстро перекрестив, вышла.

– Прикажи чаю подать, – бросил ей вслед полковник, откидываясь на подушки. Болезнь эта навалилась неожиданно, разом скрутив его так, что не вздохнуть, не охнуть. В животе словно раскаленной кочергой ворочали, и от этой боли бравый полковник, умевший одним своим рыком вогнать в страх даже придворных шаркунов, принимался скулить, словно маленький щенок. Спасал от боли только холодный обрат, которым потчевала его бабка ключница. Тяжело вздохнув, полковник поправил рубашку и, с тоской посмотрев на разукрашенное морозным узором окно, тихо проворчал:

– Эх, сейчас бы в поле, верхом волков погонять.

Охота была одной из любимейших его забав. А бить зимой волков, то и дело подходивших к человеческому жилью, было еще и весьма полезным для имения. Крестьяне знали, что полковник потравы от зверья не потерпит, и жаловаться на серых разбойников не стеснялись. Впрочем, как и на кабанов по осени, когда они в поля выходили. Дверь тихо скрипнула, и в комнату осторожно прокралась тонкая фигурка дочери с подносом в руках.

– Спите, папенька? – негромко окликнула она отца.

– Нет. Валяюсь тут, словно ворона дохлая, – сварливо отозвался полковник.

– Я вам чаю принесла, как просили.

– Вижу. Ставь уж, егоза, – махнул полковник рукой, делая попытку подняться.

– Да лежите же вы спокойно, папенька. Доктор сказал, вам сейчас беспокоиться никак нельзя, а то язва еще сильнее разболится. Так что лежите. Я сама вам все подам, – остановила его Катерина, аккуратно пристраивая поднос на туалетный столик и одним ловким движением переставляя журнальный стол к кровати.

Помня, сколько весит этот резной предмет мебели, полковник только крикнул, одобрительно покосившись на дочь. Не всякий мужик так легко его переставит, а тут девчонка.

– Что в деревне слышно? – спросил полковник, чтобы хоть что-то спросить.

– Спокойно все, папенька, – пожалла Катерина плечами. – Егерь давеча сказывал, что даже волков не много. Лоси на опушку выходили, но к полям не пошли. Видать, не особо им пока и голодно, – принялась рассказывать она, моментально сообразив, о чем думает отец.

– Передай ему, пусть прикармливает, – кивнул полковник. – И за волками особо смотрит. Как появятся, бить без всякой жалости. Иначе начнут скот по деревне рвать. Вон, пуцай лосей загоняют.

– Передам, папенька, – улыбнулась девушка, внимательно глядя ему в глаза.

– После Рождества с тобой на Кавказ поедem, – не удержавшись, обрадовал Павел Лукич дочку. – Может, и вправду поможет мне от болячки та вода избавиться.

– Обязательно поможет, папенька, – сверкнув радостной улыбкой, истово заверила Катерина. – Я Лизаньку Тарханову как следует расспрошу. Уж она-то должна всех толковых врачей из местных знать.

– А ей-то это зачем? – не понял полковник. – Сама говорила, что здоровьем пышет. Амазонка, – ехидно припомнил он высказывание дочери.

– Так к ним отсюда все знакомые туда лечиться ездят, – моментально нашлась Катерина. – Она рассказывала, что князь и жилье снять помогал, и докторов советовал.

– Ну, ежели только так, – задумчиво протянул Вяземский. – Из оружия что с собой возьмешь?

– Пистолеты капсюльные, что ты подарил, да штуцер. Я из него вальдшнепа влет бью, – гордо отозвалась девчонка.

– Вальдшнепа, из штуцера? – изумленно ахнул полковник. – Давно я тебя, Катька, не порол, – огорченно покачал он головой. – Вальдшнеп, он размером чуть больше голубя. А ты его пулей. Да там, кроме головы да лап, и не остается ничего. Его мелкой дробью бить надо.

– Так я ж для тренировки, папенька, – смутилась Катерина, понимая, что допустила серьезное нарушение охотничьего правила.

– Для тренировок по поленьям стреляй. Вон, мальчишку какого кликни, дай ему копеечку, и пусть поленья бросает. А ты стреляй. А впустую живую душу бить, грех это. Запомни, Катька. На охоте стрелять надо только то, что сам есть собираешься, – сурово выговорил дочери заядлый охотник.

– Простите, папенька, – повинулась девчонка. – Я только один раз. Чтобы попробовать.

– И сколько набила? – успокаиваясь, поинтересовался Вяземский.

– Восемь раз стреляла, восемь раз попала, – снова загордилась Катерина.

– А тушки куда? – не унимался полковник.

– Так собакам и скормила.

– Катька! Точно выпорю! – чуть не взвыл отец, грохнув кулаком по столу так, что чуть не проломил столешницу. – Кто ж так охотничьих собак портит?

– Так я дождалась, когда принесут, а после шкурки с перьями содрала и мясо срезала. Сама их с рук кормила, – снова выкрутилась юная оторва.

– Не делай так больше, – вздохнув, уже спокойно попросил полковник. – Хорошая собака больших денег стоит. Меня не станет, они тебе останутся. В столице все знают, что у меня охотничьи собаки лучшие. Таких даже на царской псарне нет.

– Больше не буду, папенька. Слово даю, – истово пообещала девушка, заливаясь румянцем смущения.

* * *

Отлежавшись и немного придя в себя, Руслан предпринял несколько коротких вылазок из дома и, убедившись, что способен передвигаться без посторонней помощи, решил отправиться на базар. Очень кофе захотелось. Мишка тут же развил бурную деятельность, и сразу после завтрака к крыльцу была подана коляска, запряженная парой каурых рысаков. Увидев коней в окно, парень задумчиво хмыкнул и, тряхнув колокольчиком, вызвал своего денщика. Выяснить, откуда взялись кони, нужно было сразу. Не приведи господи, подношение от какого-нибудь просителя.

– Это что за красавцы в оглоблях? У нас вроде таких не было, – спросил он, едва Мишка вошел в комнату.

– Так из трофеев, – развел паренек руками. – Тебе не до того было, так велел сюда их пригнать. Благо и масти одной, и порода сразу видна. Аглицкие рысаки. В наших местах редкие, – закончил денщик с явным восхищением в голосе.

– Казачья кровь свое взяла, – понимающе усмехнулся Руслан. – А чего продавать их не стал? Они хороших денег стоят, – не удержавшись, поддел он паренька, помня его тороватость и прижимистость.

– Княже, – укоризненно протянул Мишка. – То ж твой трофей. Скажешь, так и продать не долго. Но только жалко. У тебя под седло испанец, на племя аргамак, а эта пара в коляску.

– О! Точно. У нас же еще и кобыла имеется, – вспомнил Руслан еще об одном трофее. – Только где мы ей жеребца искать станем?

– Нашел беду, – фыркнул Мишка. – Вон, я ее наемни вываживал, так купцы чуть из пролеток не вываливались, ее рассматривая. Трое уже про племя спрашивали.

– У них что, породистые жеребцы имеются? – не понял Руслан.

– У всех троих, – решительно кивнул паренек.

– Погоди, я, может, чего не понимаю. Но насколько я помню, хозяин кобылы за спаривание платит. Тогда какой им с того интерес?

– Так-то оно так, да только для хорошего племени нужно сперва на первого жеребенка посмотреть, – рассудительно принялся пояснять Мишка.

– Так, казак, – осадил его Шатун. – Пошли вниз. По дороге мне все это расскажешь. А то мы тут будем конские стати до морковкина заговенья обсуждать.

– Серого продать можно, – плюхнувшись не сиденье напротив парня, продолжил Мишка начатый разговор.

– Серый покрепче твоего солового будет, – подумав, высказался Руслан.

– Это верно. Мой-то немолод уже, – вздохнул Мишка.

– Вот и сведи его матери. В оглобли. А на Серого сам сядешь, – принял Шатун соломоново решение. – Серый и к бою приучен, и в скачке вынослив. А твой, того и гляди, отставать начнет.

– Благодарствую, княже, – радостно улыбнулся Мишка.

Благосостояние его семьи медленно, но верно улучшалось. Дом его матери уже отремонтировали, кое-какую удобу приобрели, теперь вот еще и второй конь в хозяйстве будет. И это не говоря про приданое сестренкам. Руслан свое слово сдержал и каждой из девчонок выделил на будущее обустройство по двадцать пять рублей. И это был еще не конец. Мишка, получая жалованье, откладывал по рублю каждой девчонке, и Шатун, зная это, платил на три рубля больше, давая ему возможность поддерживать семью. Коляска подкатила к базару, и казаки, привязав коней к задку транспорта, тут же окружили осторожно вылезшего из коляски парня. Оставшийся на козлах казак демонстративно передвинул кобуру с револьвером на живот и, поигрывая нагайкой, огляделся, всем своим видом показывая, что любому злоумышленнику придется несладко. Все приехавшие не спеша вошли на территорию базара, и Руслан, оглядевшись с высоты своего роста, негромко скомандовал:

– Пошли, ковры посмотрим. Дом уж достраивают, надо хоть что-то в те хоромы прикупить.

– Ты, княже, словно и не рад тому? – иронично произнес один из казаков.

– Да у меня с тем именем головной боли больше, чем удовольствия, – хмыкнул Руслан. – Мебель всякую купи, прислугу найди, кухарку найми, а у меня на все это и времени нет. Это сейчас, пока ранен, могу малость передохнуть. А как поправлюсь, опять начнем по лесам носиться. А прислуга нужна такая, чтоб ей верить можно было. Сами знаете, что дела у нас серьезные и за иную бумажку враги наши дорого дадут.

– Ага, – задумчиво протянул заговоривший казак. – Тебе, значит, люди верные в услужение нужны.

– Ну, а сам как думаешь? – повернулся к нему Руслан. – Верные и грамотные.

– Подумаем, княже, – кивнул казак, ничего не обещая.

В ответ Шатун только плечами пожал, не понимая, о чем тут думать. Казаки, даже уже выписанные из реестра, в услужение редко идут. Казачки вдовы обычно живут своей вдовой долей, поднимая детей благодаря натуральному хозяйству. Их в прислуги тоже не особо зазовешь. Слишком уж привыкли они к вольной жизни. Сами себе хозяйки всю жизнь. Такие и мужика запросто послать могут так далеко, что устанешь адрес искать. Пройдя в ряды с так называемыми промтоварами, Руслан погрузился в изучение и осмотр выставленных ковров. К его удивлению, посмотреть тут было на что. Но не нашлось ничего, что сразу бы захотелось купить. Пожилой торговец, заметив сомнения парня, перегнулся через прилавок и, понизив голос, тихо спросил:

– Скажи, что ищешь, князь. Найду. Какой ковер хочешь? Персидский, индийский, китайский? Есть из шерсти, есть из шелка. Только скажи.

– А не боишься, почтенный, что я про тебя таможенникам расскажу? – хмыкнул Шатун, отлично понимая, что все предложенные товары это чистая контрабанда.

– Не скажешь, – лукаво усмехнулся торговец. – Тебе самому это не интересно, а вот то, что я могу рассказать, для тебя важнее. А скажешь, так ничего знать не будешь.

– Ты меня напугать решил, уважаемый? – удивился парень.

– Нет, князь. Пугать тебя, дураком надо быть, – качнул торговец головой, прямо глядя ему в глаза. – На этом базаре любой торговец за тебя молиться готов. Все знают, как ты бандитов ловил, которые караваны грабили. Нет, я не пугать тебя хочу. Я тебе дело предлагаю.

– Дело? – переспросил Руслан, окончательно запутавшись. – Какое?

– Князь. Ты дом строишь. Тебе и ковры, и мебель, и всякие ткани нужны будут. Я тебе все привезу, а ты мне позволишь для своих караванов у твоего мастера оружие покупать.

– И много тебе того оружия надо? – насторожился Шатун.

– Десять штуцеров твоих и столько этих новых пистолетов. Ну и припас к ним весь, какой положен, – быстро перечислил торговец. – Кузнец, кроме военных и казаков, их никому не продает, – пожаловался он, разведя руками.

– Подумать надо, – насутился Руслан, которого это странное предложение несколько насторожило.

– Что тут думать, князь? – возмутился торговец. – Всего десять стволов у тебя прошу. Не для разбоя, для защиты своих караванов только.

– Это я понимаю, – кивнул Шатун. – Но вся беда в том, что за моими винтовками всякие иностранцы охотятся. И я не хочу, чтобы из моих винтовок чуть позже моих же людей убивали.

– Нет, князь, – решительно возразил торговец. – Я тоже не дурак. Знаю, что такие вещи продавать нельзя. Если бы такие люди, как ты, по всей стране были, я бы и оружия не покупал. А то, когда за Урал-камень идешь, то и дело всякие бандиты нападают. А места там дикие, каторжных много. Вот и приходится не только возчиков, а еще и бойцов нанимать. Хочешь, после каждого возвращения сам тебе буду все оружие привозить и показывать? Даже если сломается.

«Серьезно мужика припекло, если он с таким предложением выступает», – подумал Руслан и, помолчав, решительно кивнул.

– Хорошо. Будут тебе винтовки. И револьверы. Скажу Митричу, сделает. Но учти. Пропадет хоть один ствол, не бойцы твои, а ты, своей головой отвечать будешь. Согласен?

– Согласен, князь, – твердо кивнул купец. – А за ковры и материи не беспокойся. Все лучшее прямо к тебе домой привезу, там выберешь. И отдам по цене, за которую сам купил.

– Не разоришься? – не удержавшись, поддел его Руслан.

– Голова дороже, – усмехнулся купец в ответ. – Меня уже пять раз грабили. Я лучше тебе отдам, чем такие убытки впустую терпеть стану. Ты хоть как-то в этих местах порядок держишь.

«Вот именно, что хоть как-то», – хмыкнул про себя Руслан, кивая.

Они отошли от прилавка, и Шатун, дернув за рукав ближайшего казака, тихо спросил:

– Кто-нибудь из наших этого купца знает?

– Так местный он. Давно тут торгует. От отца дело получил, – так же тихо поведал казак. –

А что не так?

– А ты не слышал? Он же у меня оружие просил, – напомнил Руслан.

– Так то невелика беда, – пожал казак плечами. – Караваны и вправду грабят. А так ему хоть какая защита будет.

– Поспрашивай наших, кто чего про него знает, – приказал Шатун.

Согласился он на просьбу торговца только потому, что идея магазинных винтовок и револьверов давно уже носится в воздухе, и очень скоро подобное оружие начнет появляться в самых разных странах. Секрет это уже небольшой. Обиднее всего было, что правительство при наличии уже действующих образцов не мычит, не телится. Шатун точно знал, что генерал Татищев подавал несколько докладных на высочайшее имя о появлении в его ведомстве толкового изобретателя и о возможности провести перевооружение армии на новое, прогрессивное оружие. И о наличии уже действующих образцов тоже докладывал. А самое главное, что примерно сотня казаков принимала участие в войне именно с этим оружием. То есть имеется наглядный пример его использования в боевых условиях. Вспомнив, что плетью обуха не перешибешь, Руслан плюнул на косность мышления придворных генералов и повел свою команду в чайхану. Встретивший их хозяин лично проводил гостей к отдельному столику и, то и дело косясь на перевязанную голову парня, принял заказ. Вернувшись с подносом, Арам ловко накрыл на стол и, отступив на шаг, неловко замялся. Заметив это, Руслан молча указал чайханщику на пустующий стул и, дождавшись, когда он устроится, негромко спросил:

– Случилось что, Арам-джан?

– Нет, князь, не случилось. Я спросить хотел, – смущенно признался хозяин чайханы.

– Спрашивай, – кивнул Шатун, пригубив чашку с кофе.

– Тут недавно земляк мой был. Варданом зовут. Говорил, что ты его семье землю дал, и что скоро всех сюда привезет. Так ли?

– Так, – спокойно кивнул Шатун, наслаждаясь напитком.

– И он у тебя егерем служить будет?

– Я тоже охоту люблю, – пожал парень плечами.

– А еще людей на землю примешь? – сделав глубокий вдох, решился спросить Арам о самом главном.

– Твои родственники? – задумчиво уточнил Руслан, поворачиваясь к нему.

– Да, – быстро кивнул армянин. – Я детей оттуда увез, но с одной чайханы всех не прокормишь. Да и не умеют они ничего, кроме обычной работы. Зато на земле все могут. И скот разводить, и землю пахать, и птицу всякую держать.

– А Вардан рассказал, какие условия у его семьи? – уточнил Шатун. – Я ведь его семью не в крепость беру. Они арендаторы будут. Пока живут, землей пользуются. Мне только аренду платят. Что вырастили, сами продают и мне только деньги приносят. Мне этой торговлей заниматься некогда. Так же и со всем остальным. Шерсть состригли, продали, мне мою долю отдали. Птицу продали, заплатили. Дом могут поставить, какой сами решат. Тут я и слова не скажу. Захотят два поставить, значит, два будет. Все от них зависит.

– Да, он рассказал, – быстро кивнул Арам. – Так даже лучше. Сами знать будут, что продавать, а что оставлять. Только кто все это считать станет?

– Управляющего искать буду, – вздохнул Шатун. – Говорю же, мне всем этим заниматься некогда. Да и не умею я, – грустно усмехнулся парень. – Я только воевать хорошо умею. И с железками всякими возиться.

– А много земли дашь, князь? – помолчав, уточнил Арам.

– Сколько попросят, – пожал Руслан плечами. – Сам подумай, кто кроме человека может сказать, сколько земли он вспахать сможет? Какой надел попросят, такой и дам. А дальше сами. С меня в этих делах толку мало.

– Хорошо. Я им все расскажу, – быстро кивнул чайханщик и, поднявшись, отправился на свое место, за стойку.

* * *

Рождество праздновали скромно. Полковник так и не оправился от своей болезни. Из-за постоянных ноющих болей некогда жизнерадостный, сильный человек превратился в склочного, желчного ворчуна, которому не нравилось все вокруг. Катерина, которой такое состояние отца было словно ножом по сердцу, то и дело сбегала из дому. То на верховую прогулку, а то и вовсе на охоту. На ее удачу, волков этой зимой появилось много, и крестьяне то и дело подавали управляющему жалобы на бесчинства серых разбойников. Загоны на флажки пользы не приносили. Волк – зверь умный и хитрый, и дважды в одну ловушку не пойдет. Так что Катерине оставалось только устраивать засидки и отстреливать зверей с полатей, на приманке. Благо зима выдалась снежная, и к Рождеству волки успели оголодать, идя на запах свежей крови, словно замороженные. Мать девушки, зная, чем она занята, пыталась запретить Катерине подобные развлечения, но полковник в очередной раз проявил настойчивость, напомнив жене, что сам он в своем нынешнем состоянии защитить крестьян не может. В итоге Марфа Ивановна ночами простаивала перед киотом, отбивая поклоны и молясь за здоровье и жизнь своей отчаянной доченьки. Но едва только закончились праздничные гуляния, как Катерина своей волей приказала начинать сборы к поездке. Матушке своей, на ее возмущение, девушка твердо заявила, что больше не имеет сил смотреть, как мучается отец, и лечение нужно начинать как можно скорее. Сообразив, что дочь права, Марфа Ивановна махнула на все рукой и приняла в сборах самое деятельное участие.

Спустя три недели после Рождества из имения выехал поезд в трое саней и крытый возок, в котором и везли болезного полковника. Понимая, что лечение может затянуться, Катерина приказала упаковать все, что может понадобится полковнику и ей не только зимой, но и летом. Тратиться и приобретать тряпки на месте она не собиралась. Рачительное отношение к деньгам Вяземский привил ей с самого детства.

Праздник Крещения они встретили в дороге. Морозы застали их в степи у Воронежа. Благо обошлось без метели, и выезд переждал холод на постоялом дворе. Катерина, не расставшаяся в дороге с парой капсюльных пистолетов, командовала возчиками и парой слуг так, что гости постоялого двора только диву давались. Сам полковник, передав бразды правления в руки дочери, скрупулезно выполнял предписания врача и втихомолку посмеивался, глядя на решительные действия своей любимицы. Спустя неделю, когда крещенские морозы пошли на убыль, Катерина приказала запрягать, и караван снова выкатился на тракт.

Поправив жаровню, наполненную раскаленными углями, девушка выразительно покосилась на свой любимый штуцер и, вздохнув, попыталась хоть что-то рассмотреть в разукрашенное морозом стекло. Заметив ее взгляд, полковник едва слышно хмыкнул и, вздохнув, принялся набивать трубку.

– Что, Катюша, скучно тебе? – закулив, спросил он нейтральным тоном.

– Скучно, папенька, – нехотя призналась девчонка.

– А ты книжку почитай, – посоветовал Вяземский, отлично зная, что дочка дамские романы терпеть не может, а церковные тексты навевали на нее тоску.

– Не брала я с собой книжек, папенька, – скривилась Катерина. – Вон, только газеты и имеются, да и те уже читаны.

– И чем же прикажешь тебя развлекать? – не унимался полковник. – Разве что в картишки перекинуться.

– Я и карт не взяла, – развела девушка руками.

– А вот это ты зря. Дорога долгая, говорить толком не о чем, а молчать столько времени и сама устанешь, – наставительно высказался Павел Лукич.

– Вы же знаете, папенька, я к картам равнодушна, – отмахнулась Катерина. – Мне б сейчас в седло, да наметом по полю, – мечтательно протянула она.

– Тебе б не девчонкой, а казаком родиться, – хмыкнул полковник. – А еще лучше черкесом каким. Те почитай из седла только в постель слезают. И что ты делать будешь, когда замуж пойдешь?

– Не хочу я замуж, папенька, – помолчав, неожиданно высказалась Катерина.

– Как это?! Ты в своем ли уме, дочка?! – всполошился полковник. – Это что за речи такие?

– Не серчайте, папенька, да только нет среди наших знакомых тех, к кому сердце бы лежало, – вздохнула Катерина. – Все они какие-то слабые. Огня в них нет. Даже в офицерах. Только и знают, что бахвалиться делами, которых не совершали. Вы, вон, к слову, о походах своих только с сослуживцами и говорите. Никогда в обществе попусту не хвалились. А эти... два раза выстрелили, а рассказов про целую баталию. Словно в одиночку Бородино или Ватерлоо выиграли.

– Ну, так давно известно. Не приврешь, добрую историю испортишь, – усмехнулся Вяземский.

– Так ладно бы, если добрую, – отмахнулась Катерина. – А то вранье одно. Давеча поручик гвардии бахвалился, что на дуэли дрался.

– Ну-ну, и что? – оживился Вяземский.

– А ничего. Ту дуэль Танечка Лопухина видела и мне рассказала. А он такое понес, что хоть святых выноси. И ведь врет и не краснеет, поганец.

– Поэтому ты предложила на спор стрелять? – сообразил полковник.

– Ага, – озорно усмехнулась девчонка.

– Да, славно ты его окоротила. Из трех выстрелов три раза попала. А он только раз, – рассмеялся Вяземский, вспомнив скисшее лицо гвардейца.

– Да чего там попадать-то было, – небрежно фыркнула юная оторва. – Свечи у стены в десяти шагах стояли. Это не оленя с седла бить и не утку влет.

– Да, Катюша. Тяжко нам с тобой придется, – отсмеявшись, покачал полковник головой.

– Чего? – не поняла девушка.

– Где ж я тебе такого жениха возьму, чтобы и в седле крепко держался, и стрелял тебя не хуже, да еще и охоту любил? А мне уж внука нянчить хочется. Стар я, Катюша. И не спорь, – рыкнул Павел Лукич, заметив, что дочка открыла рот, чтобы возразить. – Вон, болячки уж одолели. Запомни, дочка. Всему живому есть свой предел. И потому душевно тебя прошу, Катя, прими уж хоть какое решение.

– Ну какое тут решение, папенька? – чуть не взывала Катерина. – Выйти абы за кого, а потом всю жизнь в подушку плакать, на нелюбимого глядя? Да я ж его от такой жизни сама удавлю ночью.

– Ох, беда мне с тобой, Катерина, – сокрушенно покачал полковник головой. – Ну да сам виноват. Надо было тебя не забирать от матери и в седло не сажать. Сейчас бы умела все, что другие девки умеют, и не дурила мне голову бреднями своими.

– Ну, вы меня за дуру-то не держите, папенька, – неожиданно возмутилась девчонка. – Умею я все, что другие женщины умеют. Надо будет, и сготовлю, и приберу, и посуду помою, и белье постираю. Ничего тут сложного нет. Да и за имением присмотреть тоже могу. Даром, что ли, маменька из дому и не ездит никуда. Я у нашего управляющего давно все вызнала.

– Ой, не ври мне, Катька, – погрозил ей полковник пальцем.

– Вот вам крест, папенька, – не уступила девушка, широко перекрестившись.

– Вот, значит, как, – озадачился Вяземский и, замолчав, принялся усиленно пыхтеть своей трубкой, окутываясь клубами сизого дыма.

– Это вам, небось, маменька про меня всякого наговорила, – насупившись, буркнула Катерина.

– И зачем бы ей это надо? – спросил полковник, пытаясь хоть как-то защитить жену.

– А затем, чтоб вы мне охотиться запретили и к ней в обучение отправили, – моментально сообразила девчонка. – Да вы не хмурьтесь, папенька, не хмурьтесь. Я и ее и ваши хитрости все давно уже знаю. Потому и решила сама все выучить, чтобы было, что вам ответить.

– Умная больно, – смущенно проворчал полковник, не зная, как реагировать на ее слова.

– Да уж не дура, – фыркнул в ответ Катерина. – Вы уж простите, папенька, но мечту вашу про внука я исполню, только когда сама решу, что сыну своему достойного отца нашла.

– Это как? Это что ж, без свадьбы, без венчания, во грехе?! – тут же завелся полковник, от возмущения чуть не выпустив из зубов чубук трубки.

– Господь с вами, папенька, – возмутилась Катерина в ответ. – Что ж вы мне страсти такие пророчите? Как это можно, без венчания?

– Так это ты сказала, – буркнул Вяземский, успокаиваясь.

– Я про греховную связь ничего не говорила, – тут же пошла Катерина в отказ. – Я сказала, что внука вам подарю только от того, кого сама отцом выберу. Отцом, папенька, а не полюбовником.

– Тьфу! Чтоб тебя, балаболка, – не удержавшись, выругался полковник. – Чуть до кондрашки не довела.

– Вы, папенька, хоть ругайтесь, хоть деритесь, а всякого слизняка я в отцы своему ребенку не хочу, – решительно отрезала Катерина. – Ну сами посудите, какой с такого прок? Ни обучить чему толковому, ни семью защитить. Как вы там повторять любите? Ни богу свечка, ни черту кочерга.

– Гм, ты полегче с выражениями, – смутившись, посоветовал полковник. – Не гвардеец в казарме, а девица из хорошей семьи. Не позорь отца.

– Господь с вами, папенька. Это я с вами могу говорить, что думаю. А на людях – глаза долу, ручки сложены, голосок тихий, – пряча в глазах пляшущих бесенят, ответила девчонка.

– Угу, только гвардейского поручика стрельбой окоротить, как воды попить. Скромница, – фыркнул полковник в ответ и, не удержавшись, снова рассмеялся.

– Я, папенька, полковничья дочка, и всему, что толковый солдат уметь должен, обучена, – гордо подбоченившись, отозвалась Катерина. – А про домашние дела и думать забудьте. Умею я все, что любая девица на выданье уметь должна. А что охоту люблю да волю вольную, так характер такой.

– Норов у тебя, а не характер, – отмахнулся Вяземский, мысленно признавая правоту дочери.

С самого детства девочка больше напоминала язычок пламени, чем обычного ребенка. Половецкая кровь в ней разыгралась сильнее, чем в нескольких предыдущих поколениях. Порывистая, ловкая, смелая, она и вправду напоминала тех своих пращуров, что верхом покоряли степи на долгие переходы вокруг и разносили в пыль любых врагов. Именно поэтому Павел Лукич и взялся учить дочку всему тому, чему обычно учат сыновей. И теперь пожинал плоды

своего собственного воспитания. Покуривая трубку, полковник вдруг очень остро осознал, что Катерина вот уже в который раз сумела взять верх в споре с ним и настоять на своем решении.

«Выросла девчонка, – думал он, разглядывая дочку сквозь клубы табачного дыма. – Уже не девчонка, девица. А характером все тот же сорванец. Может, и вправду дать ей благословение, да пусть сама решает, как судьбу свою строить? Настоять на своем я смогу, да как бы бедой все не кончилось. Уж чего-чего, а крови она точно не боится. Сильна девка. Ох, сильна. Решено. За кого попросит, с тем и обвенчаю. А дальше пусть сама решает, как жить. Если уж совсем немоготу будет, подам прошение на высочайшее имя, чтобы развод дозволили». Вздогнув от собственных мыслей, полковник мелко перекрестился и, выбив о край жаровни погасшую трубку, вздохнул.

– Что, папенька, опять болит? – всполошилась Катерина.

– Ноет, проклятая, – отмахнулся Вяземский, возвращаясь к размышлениям.

– Может, молока вам налить? – не унималась девушка.

– После, дочка. После, – качнул Вяземский головой. – Ты лучше вот что мне пообещай. Ежели с мужем вдруг немоготу станет, мне скажешь. Я попробую на высочайшее имя прошения для развода подать. Не бери греха на душу. Но учти. Ребенок должен в законном браке быть рожден. Он наследником моим станет. Так что, прежде чем делать чего, дважды подумай. Обещаешь?

– Обещаю, папенька, – пролепетала Катерина растерянно.

Она и предположить не могла, что ее суровый отец примет подобное решение. По сути, это был полный карт-бланш на построение собственной дальнейшей жизни. А самое главное, на выбор будущего мужа и отца ее будущего ребенка. Зная отношение Павла Лукича к подобным вещам, она и мечтать не могла, что такое вообще может случиться. Полковник, зная характер дочери и будучи уверенным в том, что данное слово она сдержит, испустил тяжелый вздох и, отвернувшись к заиндевелому окошку возка, задумался. Катерина же, обдумывая полученное разрешение, притихла, краем глаза наблюдая за отцом и пытаясь понять, что подвигло его на подобное решение. Но вспомнив его слова о внуке, вдруг поняла, что он и вправду очень хочет иметь наследника знаменитой и почтенной фамилии. А значит, пришло время и ей подумать о том же.

* * *

История с избиением жандармского подполковника неожиданно получила продолжение, но не то, которого ожидал сам Шатун. После Рождества, когда Руслан уже начал постепенно возвращать себе прежнюю физическую форму, вошедший в кабинет денщик угрюмо доложил:

– Княже, там к тебе какой-то чин жандармский просится. Прикажешь пустить, или сразу с лестницы скинуть?

Поступив к Руслану на службу и лично коснувшись некоторых дел господ из полиции и жандармерии, Мишка утерял перед ними любой пиетет и готов был в любой момент встретить этих господ кулаками, а то и пулей. К огромному удивлению самого Руслана, для паренька теперь существовало только два авторитета. Казачий круг и служба контрразведки. Даже обычные армейские офицеры вызывали у Мишки только презрительную усмешку. Слишком хорошо паренек знал уровень их подготовки.

– А что за чин? – оторвавшись от бумаг, удивленно уточнил Шатун. – Кто-то серьезный, или так, ротмистр какой?

– Полковник. Говорит, что из Краснодара.

– Веди сюда, – чуть подумав, приказал Руслан, окидывая кабинет внимательным взглядом.

Тут и вправду было на что посмотреть. Оружие, развешанное на коврах, письменный стол, за которым он сидел, и стол, перед которым на стене были развешаны инструменты, которыми он доводил свои задумки до рабочего состояния. В общем, нормальная, рабочая обстановка. Перед письменным столом были установлены два полукресла для посетителей, так что принять гостя было можно. Вошедший жандарм, с интересом оглядевшись, хмыкнул и, расправив щегольские усы, представился:

– Полковник жандармского ведомства Васильев, Модест Петрович. Я имею честь говорить с князем Ростовцевым?

– Именно так, ваше высокопревосходительство, – не спеша поднимаясь, ответил Шатун. – Штабс-капитан контрразведки, князь Ростовцев, Руслан Владимирович, к вашим услугам. Чему обязан?

– Я вынужден беспокоить вас, князь, вот по какому поводу, – присаживаясь в указанное полукресло, не спеша заговорил полковник. – В прошлом году у вас случилась стычка с подполковником нашей службы. Как вы понимаете, вами было нанесено подполковнику серьезное оскорбление. Я уже не говорю о том, что вследствие ваших оскорбительных действий сей офицер долгое время не мог исполнять свой долг.

– Прошу прощения, ваше высокопревосходительство, вы его секундант? – предельно вежливо перебив оратора, уточнил Руслан.

– Э-э, нет, – сбившись, протянул полковник с некоторой растерянностью.

– Дело в том, что я по сию пору жду его секундантов. Ваш подполковник осмелился нанести мне словесное оскорбление, после чего и был спущен с лестницы. Так что, если вы пришли не для того, чтобы оговорить условия поединка, то я не понимаю причины всего этого разговора.

– Думаю, секундантов не будет, – окончательно сбившись с мысли, протянул жандарм. – К тому же особы, находящиеся на службе в ведомствах, подобных нашему, не имеют права рисковать жизнью по частным случаям.

– В нашем ведомстве те же правила, – спокойно кивнул Руслан. – Но не мне вам объяснять, что бывают частные случаи, задевающие вопросы чести, а значит, приходится принимать тяжелые решения. Как говорится, душу Господу, жизнь Родине, честь никому.

– То есть вы готовы настаивать на дуэли? – растерялся жандарм.

– Ну, если господин подполковник готов забыть эту историю и не вздумает делать мне гадости исподтишка, то я готов отказаться от поединка. По сути, дело-то уже улажено. Он мне нахамил, в ответ получил в морду. Всё.

– Как у вас все просто, князь, – делано возмутился полковник. – Бьете человека выше вас по званию, а после заявляете, что готовы все забыть.

– Даже высокое звание не дает ему права оскорблять титулованную особу, – жестко отрезал Шатун. – Впрочем, как и всем остальным тоже.

– Не хотелось этого говорить, но папаша ваш покойный имел не только титул, но и весьма неприятную славу, – аккуратно припомнил полковник.

– Папаша, земля ему пухом, проживать изволил в столице. Я же долгое время жил за границей, а после несу службу здесь. И осмелюсь напомнить, что я не мой папаша. В отличие от него, я боевой офицер.

– Да, о подвигах ваших мы слышаны, – нехотя признал полковник. – И должен признать, что рассказы о них даже в столице ходят. Знатную баню вы туркам устроили.

– Благодарю, – с достоинством кивнул Руслан. – Но я так и не понял причины, по которой вы были вынуждены оставить дела и тратить свое время на этот частный случай.

– Потому что случай этот повлек за собой некоторые последствия для подполковника и для всей нашей службы в этом уезде, – вздохнул жандарм.

– Что-то я не слышал ни о чем подобном, – насторожился Шатун.

– Вы и не могли о том слышать. Все прошло, можно сказать, кулуарно, – снова вздохнул полковник. – Ну да бог с ним. В конце концов, подполковник и сам виноват. Думать надо было, кому и что говоришь. Слухи о князе Лютом в Краснодаре как сказки на ночь рассказывают.

– Надеюсь, детей еще моим именем пугать не начали? – едва заметно усмехнулся Руслан.

– Пока нет, – усмехнулся в ответ полковник.

За время этого странного разговора у Руслана вдруг стало складываться впечатление, что жандарм приехал о чем-то его просить, но никак не может решиться сказать, что именно ему нужно. Откуда это понимание взялось, он и сам не очень понял, но решил слегка подтолкнуть полковника в нужном направлении.

– Я так понимаю, что после всего случившегося в вашей службе было принято решение что-то изменить, и это что-то как-то касается меня именно, – задумчиво протянул Шатун, внимательно отслеживая реакцию жандарма.

– Приятно иметь беседу с умным человеком, князь, – быстро кивнул жандарм. – Вы абсолютно правы. Нам указали даже на историю с фальшивыми ассигнациями, не говоря уже о том, что служба прошлапила покушение на генерал-губернатора. Хотя все это случилось довольно давно и, к счастью, закончилось благополучно.

– И что же вы решили поменять? – поинтересовался Руслан. Он уже приблизительно догадывался, чего у него попросят, но хотел услышать это от самого полковника.

– Принято решение закупить для службы револьверы вашей оружейной мастерской, но ваш мастер прямо сказал, что продаст нам оружие только по вашему прямому указанию. К слову, с чего бы вдруг такие ограничения?

– Не хочу, чтобы подобное оружие оказалось в руках наших врагов, – пожал Руслан плечами. – Казаки и армейские офицеры покупают его на свои деньги и обязательно постараются сберечь. К тому же правила снаряжения патронов к револьверам они изучают отдельно. Устно. Наставлений на бумаге не существует.

– Узнаю контрразведку, – одобрительно хмыкнул жандарм. – Умеете вы свои секреты хранить.

– Разведка предназначена искать друзей, а контрразведка врагов, – припомнил Шатун поговорку из своего мира. – Так вы приехали ко мне за разрешением на закупку оружия?

– Именно.

– И какие именно образцы вас интересуют? Только револьверы или винтовки тоже?

– Пока только револьверы. Да и то только для офицеров и нижних чинов службы.

– Вы знаете, сколько стоит каждый ствол?

– Знаю, – скривился жандарм. – Дорого, но приказ получен, так что будем исполнять.

– И сколько всего стволов вам требуется? – продолжал допытываться Руслан, усилием воли пряча довольную улыбку. Это был первый серьезный заказ, который обеспечит работой мастерскую Митрича на долгое время и принесет серьезную прибыль. Пользуясь тем, что стал пайщиком в деле купца Михеева, Руслан сумел обеспечить регулярный подвоз в мастерскую металлов, но отдача от этой негодии шла очень медленно. И вот теперь появилась возможность исправить положение.

– Две с половиной сотни револьверов решено закупить, – ответил жандарм, настороженно глядя на парня.

– Серьезное количество, – озадачился Руслан. – Надеюсь, вы понимаете, что мастерская не сможет сразу выполнить этот заказ. Делать все придется частями. К тому же требуются еще и патроны. Их придется покупать отдельно.

– Знаю, – снова скривился жандарм. – Под припас тоже деньги выделены.

– Что ж. Если вас все устраивает, то я не вижу причин для отказа, – развел Шатун руками. – Тем более что такое перевооружение пойдет только на пользу.

– Не могу не согласиться, – нехотя кивнул полковник. – Капсюльные револьверы капризны и часто дают осечки и произвольные выстрелы. А ваши таких бед не имеют, чем и радуют.

Руслан только головой кивал, слушая этот спич. Тут полковник был абсолютно прав. Проблема самовоспламенения у капсюльных револьверов действительно была. Что приводило иногда даже к ранениям самих стрелявших. Взяв со стола колокольчик, Руслан вызвал Мишку и, быстро набросав на листе бумаги записку, приказал:

– Отдай Васятке, пусть снесет письмо Митричу. И скажи на кухне, пусть чаю нам подадут.

– Сполню, княже, – коротко кивнул денщик, забирая бумагу.

– Вот и все, господин полковник. Вопрос о порядке и сроках исполнения вашего заказа оговорите с мастером. Только душевно вас прошу, воздержитесь от грубости и угроз. Митрич человек серьезный и плохих изделий не отдает. К тому же это **мой** человек, – закончил Шатун, голосом выделив ключевое слово. – А я своих людей в обиду не даю. Никому.

– Не беспокойтесь, князь. Я отлично понимаю, что нам все одно придется еще обращаться к нему за патронами, – понимающе кивнул полковник. – Однако ловко у вас это получается. Вроде ничего сами и не просили, а за вас серьезные люди радеют. Да и генерал-губернатор вашу службу постоянно всем в пример ставит. Не боитесь?

– Чего? Завистников? Плевать мне на них. Я не за ордена служу и не ради славы. В нашем деле славу добыть сложно. Да и не нужно. Чем о нас меньше знают, тем работать легче. Так что его высокопревосходительство имеет долгую память и упоминает историю с покушением. Думаю, скоро это закончится, – равнодушно отозвался Шатун.

– Завистники разные бывают, – не унимался полковник. – Некоторые могут серьезно карьеру испортить.

– А моя карьера уже состоялась, – пожал Руслан плечами. – В нашей службе больших чинов не выслужишь. Даже в войну. Я товарищ начальника отдела. Дальше только чин начальника, и все. Выше – только уезжать из предгорий и перебираться в столицу или еще куда. А я отсюда уезжать не хочу.

– Вот как? И почему же, позвольте спросить? – оживился полковник.

– Нравятся мне эти места. Да и имение у меня тут. Прежнее-то папаша промотал, – иронично напомнил Руслан. – Первый раз в жизни вдруг свой дом появился, если про детство не вспоминать.

– И где же прошло ваше детство? – осторожно поинтересовался жандарм.

– Увы, этого я вам не скажу, – усмехнулся Шатун в ответ. – Есть в моей жизни вещи, о которых я говорить не вправе.

– Понимаю, – задумчиво кивнул полковник. – Семь лет назад в Кале сгорел и взорвался пороховой склад, из-за чего наши заклятые друзья не смогли провести некоторую боевую операцию. Говорят, много народу пострадало, – высказался полковник, напряженно следя за реакцией парня.

– Бывает. Порох штука опасная, – хмыкнул в ответ Руслан.

– Так я и думал, – кивнул полковник, прихлебывая поданный чай. Что он сумел рассмотреть на физиономии Руслана, парень так и не понял, но, судя по всему, увиденное полковника удовлетворило.

– Однако отчаянный вы человек, князь, – высказался жандарм, отставляя пустую чашку.

– Отчаянные времена требуют отчаянных мер, – отговорился Руслан старой поговоркой.

– Пожалуй, – задумчиво кивнул жандарм.

– Раз уж мы решили с вашим делом, то может, подскажите мне, что с тем подполковником? Секундантов его ждать или как? – сменил Руслан тему.

– Не будет секундантов, – отмахнулся полковник. – Похоже, ваши кулаки произвели на него неизгладимое впечатление. Да и геройства ваши в бою против турок тоже незамеченными

не остались. Подполковник не трус, но нарываться на поединок, результат которого известен заранее, не станет.

– Ну, судьба дама переменчивая, – философски протянул Шатун.

– Не станет он так рисковать, – отмахнулся полковник. – Ваше умение стрелять давно уже стало притчей во языцех. Еще с краснодарской истории, когда на семью князя Тарханова напали.

В ответ Руслан только зубами скрипнул, вспомнив тот ночной бой.

* * *

В Краснодар их выезд вкатился уже под вечер. Сняв несколько комнат в гостинице средней руки, полковник первым делом приказал затопить баню, а после уселся писать письмо князю Тарханову, как своему старому знакомцу и сослуживцу. Катерина же занялась текущими делами. Сани, на которых они выехали из столицы, пришлось обменять на телеги, а возок на карету. После Ростова-на-Дону, за станицей Староминской, снег в степи сменился голой землей. Девушке, которая с самого начала взяла все дорожные заботы на себя, пришлось приложить кучу усилий и проявить характер при замене транспорта, но у нее все получилось. Правда, карета была старая и скрипела на ухабах нещадно, но до Краснодара она своих пассажиров довезла. А это было главное.

Проследив, как слуги разгрузили багаж, Катерина распорядилась насчет ужина, уделив особое внимание блюдам для отца, и, убедившись, что ее услышали, отправилась в баню. Полковник к тому времени уже успел попариться и отправить с мальчишкой письмо князю. Прихватив простыню и пару полотенец, девушка быстро пробежала через двор и, заскочив в предбанник, плотно закрыла за собой дверь. Зимний степной ветер был холоден и пронизывал до костей. Бросив все принесенное с собой на лавку, девушка сняла пуховый платок, в который куталась всю дорогу, и, облегченно вздохнув, принялась расплетать косу. Тяжелые, прямые волосы накрыли ее вороной гривой до самого пояса. Расчесав их костяным гребнем, подарком отца, Катерина разделась и, прихватив простыню, нырнула в парилку. Пару полковник нагнал под себя, а париться он любил от души, и дочку к тому же приучил. Подхватив ковшик, Катерина с размаху плеснула на каменку воды, смешанной с квасом, и, еле слышно повизгивая от накатившего жара, взобралась на полочку. Спустя два часа, пропарившись до последней косточки и отмывшись до скрипа, она вернулась в свою комнату и, с аппетитом поужинав, забралась в постель. Сон сморил девушку сразу, едва ее голова коснулась подушки. Утром, первым делом проведав отца, она заказала на кухне завтрак и, умывшись, поднялась в номер к полковнику. Отдохнув и выспавшись, Павел Лукич вид имел бравый и почти здоровый. Увидев дочь, полковник весело улыбнулся и, указав ей на стул, с усмешкой произнес:

– Ну, Катюшка, полдела сделано. До места почти добрались. Осталось понять, что тут дальше делать. Признаться, мне лично вся эта поездка не сильно по нраву.

– Папенька, вот только сызнова не начинайте, – подскочила Катерина. – Уж много раз все говорено. Воды местные лечебны, и о том даже в газетах писали. Так что сейчас позавтракаем, и я пойду узнавать, какой доктор тут лучший. А дальше будет так, как он скажет. И не спорьте, папенька. Теперь, пока не поправитесь, я ваш командир.

– Погоди суетиться, Катюшка, – со смехом осадил порыв дочери полковник. – Вот ответ от Петра Ивановича получу, тогда и будем решать, какого доктора звать.

Словно в ответ на его слова раздался стук в дверь и в номер вошел слуга с небольшим подносом, на котором лежало письмо, запечатанное личной печатью князя Тарханова. Сунув слуге гривенник, полковник быстро распечатал послание и, пробежав текст взглядом, протянул письмо дочери:

– Изволь, дочка. На обед мы званы к князю. Так что готовься.

– Опять в карете трястись, – скривилась Катерина. Продолжить она не успела.

Снова раздался стук, и девушка, открыв дверь, впустила в номер горничную, принесшую завтрак. Быстро перекусив, она оставила отца читать свежие газеты, а сама отправилась готовиться к визиту. Понятно, что с семейством Тархановых их связывала давняя дружба, но явиться к ним в дом замарашкой Катерина не могла себе позволить. Выбрав подходящее платье, девушка тщательно проверила швы и, убедившись, что в чистке оно не нуждается, повесила на палочку, отвисеться после перевозки в сундуке.

Карету слуги подали в срок, и примерно в семь часов вечера они с отцом вошли в княжеский дом. Князь Тарханов встретил гостей в прихожей и, с ходу обняв старого приятеля, широким жестом пригласил к столу. Катерина, обнявшись с Лизанькой, поспешила следом. За столом обе семьи обменивались последними новостями, когда вошедший в столовую мажордом доложил:

– Ваше сиятельство, к вам князь Ростовцев. Прикажете звать сюда?

– Зови, голубчик. Зови немедленно, – обрадовался Тарханов и, повернувшись к приятелю, добавил: – Ты, Павел Лукич, сейчас удивишься. Штабс-капитан сей настоящий богатырь. Я его по делам службы вызвал, но раз уж так сложилось, заодно он со своими казаками вас до Пятигорска проводит.

– Что, тот самый Ростовцев? – насторожился полковник.

– Именно. Уж поверь, это не то что старший князь, прими душу его, господи. Этот служака до мозга костей. Не случись беды, я Наташеньку мою за него давно б отдал и не задумался.

– Однако, – удивленно протянул Вяземский, настороженно рассматривая приятеля. – Удивил, Петр Иванович. Как есть, удивил.

– Я тебе после кое-что расскажу, так ты еще больше удивлен будешь, – загадочно усмехнулся Тарханов и, поднявшись из-за стола, пошел навстречу вошедшему в зал офицеру в черкеске, широко раскинув руки.

– Руслан, рад тебя видеть здоровым, сынок, – улыбнулся князь, крепко обнимая вошедшего. – Оправился после контузии?

– Слава богу, Петр Иванович. Вот, прибыл, как просили, – едва заметно улыбнулся офицер в ответ.

– Благодарствую, сынок. Проходи, присаживайся. Позволь представить тебе моего старого приятеля и его очаровательную дочку. Полковник Вяземский Павел Лукич и Екатерина Павловна.

– Ваше высокопревосходительство, сударыня, – четко, словно на параде склонил голову штабс-капитан, щелкая каблуками начищенных сапог. – Рад знакомству.

– Руслан! Слава богу, выздоровел, – раздалось от двери, и в столовую вошла княгиня Зинаида Павловна. К удивлению гостей, княгиня также обняла гостя и, троекратно облобызав его, указала на стул: – Присаживайся. Поешь сначала с дороги. Знаю ведь, что, небось, всю дорогу наметом коней гнали.

– Так приказ был, Зинаида Павловна, – развел штабс-капитан руками, улыбаясь при этом одними глазами. – Думал, опять случилось чего.

– Про то после поговорим, сынок, – вмешался Петр Иванович. – Ты и правда поешь сначала.

– Благодарствую, – кивнул офицер, осторожно усаживаясь на поданный слугой стул.

– Однако и стати у вас, сударь, – придя в себя от увиденного, проворчал полковник, наливая себе в рюмку анисовой водки. – Гренадер, право слово.

– Я повыше буду, – усмехнулся офицер в ответ. – Как доехали, господин полковник? Надеюсь, без приключений?

– Бог миловал. А что, тут у вас балуют? – в свою очередь спросил Вяземский.

– Да вроде купцы не жалуются, – пожал штабс-капитан широченными плечами. – Было дело, каторжные баловали, но мы это дело быстро пресекли. Так что вроде спокойно пока все.

– А горцы что ж? Неужто всех замирили? – аккуратно поддел его полковник.

– Не всех, – спокойно ответил Ростовцев. – Но пока непримиримые в своих аулах сидят и в долины спускаться не рискуют. Если только на торг, что у города организован. Но по зимнему времени и он почти зачах. Вот потеплеет, и поедут.

– Это что же, вы врага на торг невозбранно пускаете? – удивился Вяземский.

– А что вы им предъявите? – повернулся к нему штабс-капитан. – Торговать у нас в стране не запрещено, и ежели они приезжают мирно и за товары честно платят, то и трогать их незачем. А что уж они по дороге сделали, еще узнать да проверить надо. Тут у нас всякое было. И каторжные под горцев рядились, и тати в мундирах на них всякое навесить пытались.

– Это как так? – тут же закипел полковник, едва не выплеснув водку мимо рта.

– Люди, ваше высокопревосходительство, на всякие подлости способны, несмотря на мундир и титулы, – все так же спокойно отозвался Ростовцев. – Вы вон, небось, про папашу моего сразу вспомнили, едва фамилию услышав, а про то, что я в контрразведке служу, и не знали. А ведь в службу эту кого попало не возьмут.

– Да уж, – смутился полковник, опуская голову.

– Ты, Павел Лукич, запомни. Я этому мальчику жизнью своей обязан и карьерой, – неожиданно высказался князь Тарханов. – И прежде, чем чего лишнего сказать решишь, подумай.

– Да я уж понял, – кивнул Вяземский. – Сообразил, когда ты его сыном назвал. Не тот ты человек, Петр Иванович, чтобы кого попало так называть.

– Ну, мужчины, разобрались? – неожиданно уточнила княгиня. – Ну и слава богу, – подвела она итог, едва заметно усмехаясь. – Я тебе, Павел Лукич, больше скажу. Лизанька наша за друга его, графа Рязанова выходит. А Руслан со стороны жениха дружкой будет. Вот и думай.

– М-да, похоже, я и вправду перед вами, господин штабс-капитан, повиниться должен, – помолчав, очень серьезно произнес Вяземский. – Уж простите, но я про вас и вправду бог знает чего подумал, когда фамилию услышал. Уж больно много всякого плохого про папашу вашего в столице рассказывали.

– Понимаю и не сержусь, – с достоинством кивнул Ростовцев. – Мне, признаться, и самому все эти слухи весьма неприятны. Но что поделать? Фамилию-то не сменишь. Раз уж родился Ростовцевым, так и жить с тем придется.

Собравшиеся замолчали. Атмосфера в столовой вдруг сделалась тягостной, словно кто-то принес неприятное известие. Катерина, покосившись на смутившуюся княгиню, отложила вилку и, повернувшись к офицеру, негромко спросила:

– Руслан Владимирович, а что это у вас за револьвер такой. Вроде как незнакомая мне конструкция.

– Сразу видно дочь боевого офицера, – едва заметно улыбнулся Ростовцев. – Это револьвер моей собственной конструкции. Отличается от других тем, что имеет способ заряжания единым патроном, а не отдельным, как капсюльное оружие.

– Единый патрон? Как патроны для винтовки господина Бердана? – быстро уточнила Катерина, отмечая про себя, как атмосфера в комнате начинает разряжаться.

– Именно, – кивнул князь. – Любите стрелять, сударыня?

– И стрелять, и верхом скакать, и охотиться, – вступил полковник в разговор. – Не девка, а башибузук вырос.

– Ну, может, это и неплохо, – усмехнулся Ростовцев. – В этих местах казачки всегда такое умели. И ничего, живут. Главное, чтобы женщина свое главное предназначение не забывала. А остальное мелочи. А в наших местах так и вовсе достоинство.

– И каково же, по-вашему, предназначение женщины? – ошетинулась Катерина, ожидая высказываний о недопустимости подобного поведения.

– Да как Всевышним изначально назначено, так и есть, – развел Ростовцев руками. – Детей рожать, за домом следить, хозяйство держать. А что охоту да верховую езду любите, так это даже и хорошо. Расстояния у нас тут долгие. Иной раз куда доехать, так только верхом. А без оружия лучше и не бывать. Всякое случается.

– Выходит, у вас такое поведение девицы из хорошей семьи презрения не вызывает? – прямо спросила Катерина, с вызовом глядя ему в глаза.

– Нет, – спокойно выдержав ее взгляд, ответил князь. – Я, сударыня, человек широких взглядов и могу принять многое. Но также имеются вещи, которых я никогда не приму. Но об этом не с вами и не здесь, – закруглил он разговор.

– Значит так, молодежь, – заявил Тарханов, закусив очередную рюмку соленым огурчиком. – Вот после десерта ступайте в малую гостиную и обсуждайте свои взгляды сколько влезет. А нас, стариков, от подобных разговоров избавьте.

– Руслан, а вы когда обратно ехать собираетесь? – сменила тему Лизавета.

– Как служба решит, – усмехнулся князь. – Но письмо от вас Михаилу я обязательно заберу. К слову, я вам от него тоже послание привез, – добавил он, заставив княжну мило зардеться.

– Потом все. Потом, – повторил Тарханов, сурово сдвигая брови. – А вы, девушки, извольте не вмешиваться с разговор старших.

– Папенька! – возмутилась Лизавета.

– Давно уже папенька, – сварливо отозвался Тарханов. – Даст бог, скоро уж дедом стану.

При этих словах старые приятели переглянулись и дружно, с некоторой грустью усмехнулись.

* * *

Письмо от князя Тарханова Руслан получил сразу после Крещения. Его очень удивило, что обратился князь не к Рязанову, как к начальнику отдела, а именно к нему. По всему выходило, тут было что-то личное, о чем князю нужно было поговорить именно с ним. Показав письмо приятелю, Шатун ожидал от Михаила каких-то дополнений, но граф и сам оказался в полнейшем недоумении. Взяв с собой пятерку казаков в сопровождение, Руслан следующим же утром выехал в Краснодар. Просьбы поспешить в письме не было, но парень решил не откладывать дело в долгий ящик. Князь не так часто обращался к нему лично с какой-либо просьбой, поэтому Шатун решил, что должен быть готов ко всему. В том числе и к возможным боевым действиям. Так что оружия и он, и казаки взяли столько, что можно было взвод вооружить. Ну и патронов соответственно.

В общем, через сутки его команда осадил коней у знакомых ворот, и привратник, увидев знакомую фигуру, без единого слова бросился их открывать. Мажордом, очевидно, предупрежденный князем, с каменной физиономией вызвал слуг и, приказав им обеспечить казаков всем потребным, лично повел Руслана в выделенные ему комнаты. К слову, именно в этих апартаментах он проживал в прошлые свои приезды. У парня сложилось впечатление, что князь просто приказал оставить эти комнаты за ним. Зачем? Сложный вопрос, но влезать так далеко в личное Шатун бы не решился. Так что, приняв все, как оно есть, парень быстро разделся и, пройдя в туалетную комнату, принялся приводить себя в порядок. Смыв с себя пот и дорожную грязь, он переоделся в чистое и, едва выйдя в коридор, был встречен лично мажордомом. Убедившись, что гость готов к встрече с хозяином, мажордом попросил парня следовать за ним и не спеша направился на хозяйскую половину дома.

К большому удивлению Руслана, в доме, кроме него, были и еще гости. Встретивший его с радостной улыбкой Петр Иванович представил парню пожилого мужчину как своего старого сослуживца, приехавшего сюда для лечения, и, пригласив к столу, принялся расспрашивать о текущих делах. Больше всего князя интересовало состояние здоровья Руслана. Сообразив, что гости не в курсе всех местных дел, Шатун принялся отвечать, ведя почти светскую беседу. Но уже через несколько минут полковник Вяземский весьма презрительно отозвался о его так называемом папаше, и парень понял, что нужно что-то менять, и быстро, иначе беседа может перерасти в скандал, который ему был совершенно не нужен. Судя по высказываниям, человеком полковник был довольно резким и в выражениях стесняться не привык. Высказывал то, что думает, без оглядки на последствия. Чуть подумав, Руслан решил лишить его самого весомого аргумента в этом странном споре и сам прошелся по покойному родителю, заставив всех смущенно замолчать. Прием был неожиданный, в местном обществе не принятый, но, как говорится, самокритика вещь удобная. После нее другому сказать нечего. В столовой повисло напряженное молчание, заставившее собравшихся чувствовать себя неловко. Положение спасла дочь полковника.

Девушку Руслан приметил сразу, но держался с ней, как и положено, вежливо, но на расстоянии. Как оказалось, девушка неплохо разбиралась в оружии и сумела заметить, что его револьвер отличается от привычных ей капсюльных. К удивлению Шатуна, девчонка оказалась не промах и любила совсем не девичьи развлечения. Охоту, верховую езду и оружие. Обсудив с ней некоторые аспекты жизни, Руслан пришел к выводу, что девушка по натуре бунтарка и вести обычный образ жизни ей невероятно скучно. К тому же еще и папашино воспитание сказывается. Похоже, полковник, не имея сына, обучил дочку всему, что умел сам. В итоге получилось то, что получилось. Дождавшись десерта, Руслан вручил Лизавете письмо от Михаила и, оставив девушек под присмотром княгини, отправился с мужчинами в курительную комнату. Сидя в сторонке, он с интересом присматривался к Вяземскому, пытаясь понять, на кого похожа Катерина. От отца ей достались только глаза. Все остальное явно к этой семье отношения не имело. Заметив его взгляд, полковник удивленно выгнул бровь и, покосившись на приятеля, угрюмо спросил:

– А что это вы меня так рассматриваете, молодой человек?

– Пытаюсь понять, на кого Екатерина Павловна больше похожа, на вас или на супругу вашу, – быстро пояснил Руслан.

– Глянулась девчонка, – одобрительно усмехнулся Тарханов. – И то сказать, красавица, каких поискать.

– Екатерина Павловна девушка, безусловно, красивая, но вы же знаете, Петр Иванович, пока своего гнезда не совою, ни о каких амурных делах и речи быть не может, – вздохнул Шатун. – Папаша мой образом жизни своим здорово мне подгадил. Так что, пока имение не начнет доход приносить, все побоку.

– Не дури, Руслан, – вздохнул Тарханов, укоризненно качнув головой. – Ты мое к тебе отношение знаешь. И раз уж у вас с Наташенькой не сложилось, то с любой другой барышней я тебе сам помогать стану. А захочешь, и сватом буду. Уж поверь, в наших местах отказать мне мало смелых найдется.

– Не сомневаюсь, Петр Иванович, и весьма признателен вам за вашу милость, но не хочу охотником за приданым прослыть. Вот поправлю дела, имение дострою, тогда и к разговору этому можно будет вернуться.

– И как же вы их поправлять собираетесь, молодой человек, – иронично хмыкнул полковник.

– Прежде всего службой, ваше высокопревосходительство, – пожал Руслан плечами. – Имение я уже выслужил. Наград от государя имею немало, даже полный Георгиевский бант

получил, как видеть изволите. Дом на полученной земле строится. Дальше можно будет и о деле каком подумать.

– И каким же делом вы думаете заняться? – не унимался Вяземский.

– Прежде всего, тем, что лучше всего умею. К примеру, разработка новых видов оружия. Как уже отметила ваша дочь, сей револьвер, – тут Руслан достал из кобуры оружие, – отличается от привычного вам капсюльного револьвера. Имеется у меня и винтовка магазинного типа. Ими мои казаки вооружены, так что, пожелаете увидеть, принесу. Есть и еще несколько задумок, которые мой мастер делает и продает. К тому же, продавая оружие и прочие задумки, я скопил кое-какие деньги и вошел в долю с купцом первой гильдии, завозящим в наш уезд чугун, железо и сталь. С того три тысячи чистого дохода в год имею. В дело я не вмешиваюсь, его учить – только портить. А вот расширить его я купцу помог. Так что деньги эти чистые, и никто меня ни в чем укорить не может.

– Это тот, у которого горцы семью выкрали? – моментально сообразил князь.

– Он самый, Петр Иванович, – кивнул Шатун.

– Три тысячи в год... неплохие деньги, – оценил полковник, слушавший парня очень внимательно. – Но ведь вечно это продолжаться не будет.

– Именно поэтому после окончания строительства я стану собирать деньги для еще какого-нибудь предприятия, – согласился Шатун. – Во всяком случае, в долги лезть и кредиты у ростовщиков брать точно не стану.

– Достойная позиция, – помолчав, одобрил Вяземский. – А что до вашего вопроса, так Катюшка моя на свою прапрапрабабку похожа. Пращур мой ее из калмыцких степей привез. Окрестил да женился. Говорят, красавицей была, каких поискать, вот он и не устоял. Одного из половецких каганов дочь.

– Половецких? – удивленно переспросил Руслан. – Их же вроде еще при монголах рассеяли.

– Верно. Вот они в степи и ушли. Теперь-то и искать бессмысленно. Нет уже того племени. А в те времена несколько семей еще встречались. Дома даже пайцза ее хранится, где вроде как сказано, что она дочь самого кагана. Да только кто теперь те письма прочтет?

– А как она выглядит? – не сдержал парень любопытства.

– Лоскут кожаный, тонкой выделки, вот такого размера, – показал полковник руками, – а на нем письма. Внизу же пластина золотая, с бегущим волком. Вроде как тотем их клана. И тоже с надписями. Ну и шнуры шелковые, это само собой. Много лет в семье нашей реликвия сия хранится, – закончил он с гордостью.

– Любопытно, – уважительно качнул Руслан головой. – Реликвия эта теперь большую историческую ценность иметь должна. Ученым ее не показывали?

– Да ну их, аспидов, – отмахнулся Вяземский.

– Не любит у нас Павел Лукич ученую братию, – тихо рассмеялся князь. – Было дело, пришлось ему экспедицию в донские степи сопровождать. Вот с тех пор и невзлюбил.

– Да, порой эти господа бывают просто невыносимы, – с легкой улыбкой согласился Руслан. – А история пращура вашего весьма поучительна.

– Это чем же? – не понял полковник.

– Ну, хотя бы тем, что иной раз стоит не только разума, но и сердца послушаться. Не влюбись он и не приведи ту принцессу в дом, Екатерина Павловна могла бы и не оказаться столь привлекательной.

– А толку-то с той красоты, – неожиданно насупился Вяземский. – Я, конечно, сам виноват, что вырастил ее такой, но ведь уж и остепениться пора. Не девчонка. Девица. Серьезные люди к ней сватались, а она всех женихов так отваживает, что и сказать соромно. Обрадовалась, что в седле держится, словно улан, и заставляет их с ней наперегонки скакать. Сама-то земли имения назубок знает, и гости через те скачки мало что не убиваются. Третьего уж при-

шлось к доктору отправлять. А то еще и стрелять с ними берется. Ты представь, Петр Иванович, офицера гвардии ославила. Оказалось, тот хуже этой оторвы стреляет. Позор сплошной. Шкандаль, одним словом.

– Господь с вами, господин полковник, – рассмеялся Руслан. – Это не ей в укор, а тому офицеру. Не по балам шастать надо, а на стрельбище быть. Самому навыки боевые поднимать и людей своих учить.

– Ты только нашим офицерам этого не скажи, – посоветовал Тарханов. – А то опять придется их в чувство приводить. Я ж тебя знаю. После твоей дуэли противника твоего только отпеть и остается. А они на тебя и так зуб имеют.

– Им же хуже, – пожал Шатун плечами. – Вы же, Петр Иванович, знаете. Я первым никого не трону. Но уж если сунулись, пощады не дам.

– Потому и говорю, – кивнул князь. – Ты представь, Павел Лукич, – повернулся он к приятелю, – было тут однажды. Из столицы комиссию прислали, а те дурни вздумали с ним задратся. Так этот ирод с малой лопаткой да топориком против саблей вооруженного встал, да и зарубил его, как того каплуна.

– С какой еще лопаткой? – удивился Вяземский.

– Отряд мой, и я сам, имеем при себе по малой лопате каждый, – принялся пояснять Руслан, вспомнив, что такого понятия, как саперная лопатка для солдат, тут еще не знали. – Мы ведь не столько верхом, сколько в пешем порядке действуем, и для устройства засады лопатка та бывает крайне нужна. Вот и пришлось придумать, как ее сделать, чтобы с собой носить. А топорик, он в лесу очень нужен бывает.

– Так что же, вы обычным белым оружием совсем не пользуетесь? – не понял Вяземский.

– Пользуемся. Но оно обычно не при себе, а к седлу приторочено. У нас ведь, господин полковник, задачи другие. Нам в атаку не ходить. Мы тайного врага ловить назначены, – напомнил ему Руслан задачи контрразведки.

– Шашкой он лучшего выборного бойца из горцев побил, – с одобрительной улыбкой рассказал Тарханов. – Эх, Паша, ежели я начну тебе все его подвиги расписывать, скажешь, что я на старости лет брехуном стал. Да только о тех делах даже я не все знаю.

– Оно и понятно, – кивнул полковник, вспомнив, что контрразведка дела ведет по большей части секретные. – Да только я тебя, Петр Иванович, слишком давно знаю, чтоб неверием обижать. Раз говоришь ты, что он такое сделал, значит, так оно и есть. Да и полный Георгиевский бант не пустой звук. Такие награды на паркетe не выслужишь. Я только одного не пойму. К чему ты вдруг решил мне этого юношу так нахваливать? Чего задумал?

– Ничего, Павел Лукич, – вздохнул Тарханов с грустной улыбкой. – Просто увидел, как у тебя лицо скривилось, когда ты фамилию услышал, вот и решил показать, что и от гнилой ветки можно добрый плод получить. Да и Катерина твоя с него за столом глаз не сводила. Видать, глянулся ей богатырь наш.

– Ну, это еще бабка надвое сказала, – снова насупился полковник. – Ей сейчас глянулся, а завтра, совсем даже наоборот. Обжигался я уже.

– Не дури, Павел Лукич, – отмахнулся Тарханов. – Кобылка твоя с норовом, но и у меня казак не промах. Глядишь, и объездит.

* * *

Три дня, которые Руслан провел в Краснодаре, протекли весьма насыщенно. Так сложилось, что дело, по которому его вызвал князь Тарханов, сводилось только к одному, вывезти и сохранить его архив, в котором хранились материалы, а точнее, компромат на очень многих высокопоставленных лиц империи. В том числе и на того полицейского генерала, от которого так ловко избавился сам Руслан. Понимая, что материалы эти настоящая информационная

бомба, и он оказался втянутым в игры серьезных и очень больших мужчин, Шатун приказал уложить все бумаги в один большой сундук, купленный им на базаре, и попросил князя одолжить для перевозки крытый фургон. Чуть усмехнувшись, Петр Иванович вызвал мажордома и приказал тому показать парню подготовленный для него транспорт. Это был такой же фургон, как Руслан использовал в операции по поимке разбойников. К фургону прилагалась пара могучих першеронов. Глядя на этих громадных зверей, Шатун только в затылке почесал, пытаясь понять, зачем было тратить огромные деньги и покупать тяжеловозов, если можно было обойтись просто парой обычных лошадей. Мажордом, заметив его сомнения, осторожно коснулся пальцами его рукава, привлекая внимание и склонившись к плечу, тихо прошептал:

– Его сиятельство приказали этих коней вам отдать. Сказали, вам в ваших делах они сильно пригодиться могут.

Вспомнив, что в их хозяйстве уже имеются восемь подобных громадин, Руслан только тяжело вздохнул. Эти кони требовали к себе особого отношения, и обычным сеном их не прокормишь. Тут овес нужен. В товарных количествах. Тогда и отдача от них будет серьезная. С другой стороны, для завода такое количество уже вполне достаточно. Жеребята от этих коней будут расходиться по серьезной цене. Главное, не загубить племенной косяк.

– Придется толкового лошадирика искать, – вздохнул Руслан и, развернувшись, отправился обратно в кабинет хозяина.

Главным условием в просьбе князя было не просто сохранить архив, а сделать так, чтобы его никто кроме самого Руслана не смог найти. Князь особо оговорил условие, по которому он мог бы достать эти бумаги на свет божий. Только его личная просьба или письмо с малой печатью. Сняв с пальца перстень, князь протянул его парню, для внимательного изучения. Повертев перстень в руках, Шатун постарался запомнить рисунок до последней черточки и, вернув его обратно, осторожно уточнил:

– Петр Иванович, вы чего-то опасаетесь?

– Трудно сказать, сынок, – помолчав, вздохнул князь. – Вроде все уже успокоилось и никаких опасений дела не вызывают, но точно знаю, что нам той истории не простили. Явно в драку не полезут, уж очень много всякого тут всплыло, когда комиссия из столицы приезжала, но втихую гадить будут точно.

– Это уж как обычно, – согласился Руслан, прикидывая, что можно в этом случае сделать. По всему выходило, что ничего. Тут шли игры на таком уровне, что одним выстрелом не отделаешься. Тут придется баллистическую ракету изобретать. С кассетным боезарядом. Усмехнувшись собственным мыслям, Шатун мрачно скривился и, чуть подумав, решил сменить тему.

– Петр Иванович, а что, папаша мой господину полковнику задолжать сумел, что он так резко на фамилию мою отзывается? – осторожно поинтересовался он.

– Слава богу, нет, – отмахнулся Тарханов. – Тут другое. Паша – человек прямой и честный, и потому подобных людей просто не приемлет. А папаша твой, земля ему пухом, тот еще прохиндей был. Ну, соответственно и от тебя теперь все того же ждут. Я потому и стал Паше про тебя всякое рассказывать, чтобы понял он, что ты человек серьезный. Да еще и дочка у него чудить принялась. Ну, про сватовство ты слышал. А ему, как и мне, хочется внуков понянчить. В общем, не бери в голову. Тут больше у него свое вылезает, а до тебя ему теперь и дела нет. Лучше вон свежи Катерину за город, пострелять, – лукаво усмехнулся князь.

– А господин полковник позволит? – иронично поинтересовался парень.

– А вот сейчас и узнаем, – ехидно отозвался Тарханов, поворачиваясь к открывшейся двери, в которую вошел упомянутый полковник.

– И чего ты, Петр Иванович, узнать хочешь? – сварливо уточнил Вяземский, тяжело опускаясь в ловко подставленное Русланом кресло.

– Отпустишь дочку с Русланом верхом покататься и пострелять? – прямо спросил князь приятеля.

– Ты никак охоту задумал? – подобрался полковник.

– Не до охоты теперь, – отмахнулся Тарханов. – Вон, пусть молодежь веселится, – кивнул он на парня.

– Для охоты сейчас не сезон, – пожал Руслан плечами. – Так, за городом проедемся да по мишеням постреляем. Я все одно собирался ехать, а Екатерине Павловне в доме все время сидеть скучно.

– Это верно, – скривился полковник. – Ладно. Езжайте. Но чтоб дотемна дома были.

– Будем, – пообещал Шатун, едва не рассмеявшись, услышав последнюю фразу. «Словно подросткам», – подумал он, пряча усмешку.

– Ступай, сынок. Прикажи слугам коней готовить, – отпустил его князь, поворачиваясь к приятелю.

Девушку Руслан нашел в комнатах Лизаветы. Вежливо постучавшись, он предложил девицам совершить небольшую верховую прогулку, на что княжна сморщила носик и отказалась. Ей подобные развлечения были не интересны. Катерина же мгновенно загорелась и, согласившись, понеслась одеваться. Пройдя к себе, парень прихватил побольше патронов и, пройдя в людскую, приказал казакам седлать коней. Ездить в одиночку он давно уже отвык. Екатерине заседлали кобылу из княжеской конюшни. Выскочив из дома в мужском наряде, девушка ловко осмотрела подготовленную для нее лошадь и, недоуменно хмыкнув, негромко проворчала:

– Могли бы и порезвее лошадку подыскать.

– Ну, аргамаков в княжеской конюшне не имеется, но и эта лошадка неплоха, – осторожно высказался Руслан, усаживаясь в седло своего Беса.

– А если б был, вы бы позволили его оседлать для меня? – тут же спросила девица, ловко вскакивая в седло.

– Ну, кавалерист вы опытный, значит, лошадь не загубите. Так почему бы и нет, – пожал Шатун плечами.

– Вы сказали это так, словно у вас аргамак имеется, – фыркнула Катерина.

– Имеется. В Пятигорске, – спокойно кивнул Шатун.

– Шутите! – ахнула девушка. – Неужто чистопородный?!

– Именно. Тоже кобыла. Теперь придется жеребца для нее искать, – вздохнул Шатун, припомнив, сколько может стоять подобный конь.

– А про вас рассказывали, что вы не богаты, – удивленно проворчала Катерина.

– Не богат, – все так же спокойно подтвердил Руслан. – Кобылка мне трофеем досталась. От турка ее забрал. А Бес это подарок, – похлопал он жеребца по круто выгнутой шее.

Кавалькада выехала со двора и спустя полчаса, миновав заставу, оказалась за городом. Казаки, зная, куда и зачем они едут, тут же взяли курс на небольшой распадок, в котором и раньше проводили стрельбы. На тренировке своих бойцов Руслан не экономил, так что стрельбище его казаки посещали регулярно. Даже оказавшись далеко от дома. Оказавшись на месте, бойцы быстро организовали мишени и, привязав коней к старой чинаре, принялись готовить оружие. Встав на огневой рубеж, Руслан выхватил из кобуры револьвер и, в пулеметном темпе выпустив все пять пуль, принялся перезаряжать оружие, направляясь к мишени. Катерина, не утерпев, поспешила следом. Все пули легли в круг, размером с медный пятак. Удовлетворенно кивнув, Шатун сменил в револьвере барабан и, протягивая его девушке, предложил:

– Попробуйте. Тяжеловат, конечно, но думаю, вы справитесь.

Сверкнув радостной улыбкой, девушка быстрым шагом поспешила на его место. Вскинув оружие, она примерилась, но, вздохнув, опустила руку.

– И правда тяжелый, – нехотя призналась она.

– Подставьте под рукоять левую руку, – посоветовал Руслан.

Показав ей правильную стойку и убедившись, что девушка впитывает новшество, словно губка, Руслан сделал шаг назад, привычно скомандовав:

– Огонь!

Не ожидавшая этого Катерина спустила курок, невольно вздрогнув, когда револьвер рывкнул, подбросив ствол вверх.

– Вот это отдача! – удивленно проворчала девчонка, опуская оружие.

– Да, патроны снаряжены под меня. Об этом я не подумал, – смутился Руслан, припомнив, что и сам револьвер тоже сделан под его лапу.

– Княже, пусть с моего стрелнет, – с улыбкой предложил один из пластунов, протягивая ему свое оружие.

Катерина быстро сменила ствол и, ловко перехватив его двумя руками, не спеша сделала пять выстрелов.

– Да, с этим гораздо проще, – обрадованно сообщила девушка, пытаясь разобраться с механизмом перезарядки.

– Дозвольте, барышня, я снаряжу, – предложил казак, забирая у нее оружие.

– Руслан Владимирович, а из винтовки пострелять дадите? – тут же спросила девица, горящим взглядом разглядывая его винтовку.

– Боюсь, результат будет тем же, – снова смутился Шатун. – Мне все под себя делать приходится. Даже коня подбирать, – с едва заметной усмешкой пояснил он. – Андрей, дай Катерине Павловне свою винтовку, – попросил он другого бойца.

Сделанный специально для работы в стесненных условиях карабин привел девушку в полный восторг. Короткая, ухватистая и маневренная винтовка с отлаженным механизмом перезарядки была словно создана для нее. Ловко щелкая затвором, Катерина выпустила все семь пуль и, осмотрев мишень, удивленно протянула:

– Похоже, с таким оружием снова стрелять учиться надо.

– Это каждый раз с новым оружием так, – пожал Руслан плечами. – Впрочем, если вам понравилось, я могу заказать для вас такую винтовку. Полегче этой и калибром поменьше. Мой мастер умеет разные стволы ковать.

– Вы серьезно?! – изумилась Катерина.

– А что тут такого? – не понял Руслан, судорожно вспоминая, какое правило этикета он нарушил своим предложением.

– И сколько такая винтовка стоит? – подумав, осторожно поинтересовалась девушка.

– Я бы хотел, чтобы вы приняли ее в подарок, – проявил Шатун галантность.

– Сказать откровенно, я хотела попросить вас заказать винтовку и револьвер. Само собой, за плату. Но теперь... – Катерина задумалась, не зная, как поступить. Они были еще слишком мало знакомы, чтобы она могла позволить себе принять подобный подарок. Оружие это было новым и, следовательно, совсем не дешевым. Уж это она понимала прекрасно.

– Будут вам и револьвер, и винтовка, – усмехнулся Руслан, угадавший ее затруднение. – Под вашу руку. Мой мастер подобное оружие сделает для меня не так дорого. А по поводу платы договоримся, – усмехнулся парень.

– Предложение ваше звучит несколько двусмысленно, – задумчиво протянула Катерина, разглядывая его настороженным взглядом.

– Односмысленно, – отмахнулся Руслан. – Все одно без моего разрешения вы такое оружие не купите. И уж тем более патроны к нему. А плату я с вас попрошу простую. Хочу только вашего разрешения иногда навещать вас в вашем доме.

– От встреч с вами мне все одно не отказаться, – ехидно усмехнулась девушка. – Так что придется такое разрешение вам дать.

– Если я вам неприятен, сударыня, так и скажите, – выпрямившись, жестко ответил Руслан. – Я знаю, что не красавец и что шрамы могут быть вам неприятны. Так что достаточно просто сообщить мне об этом. А одолжений я не приемлю. Как и насмешек.

– Простите, князь, – смутилась Катерина. – Я не хотела вас обидеть. А шрамы... Так они и у папеньки имеются. Так что этим меня не испугать. Давайте не будем ссориться.

– Я не в обиде, – кивнул Шатун. – Просто предпочитаю ясность в любых отношениях. Что просто в знакомстве, что в дружбе. Интриг мне и по службе хватает.

– Руслан Владимирович, разрешьте еще один вопрос? – осторожно спросила девушка.

– Конечно.

– Почему вы никогда не улыбаетесь?

– Больно, – вздохнул Руслан, указывая на свое лицо. – Мышцы сильно повредило.

* * *

Из Краснодара они выехали через три дня. Личный врач князя Тарханова, осмотрев полковника, подтвердил диагноз своего коллеги из столицы и указал Вяземскому, воду какого именно источника ему надлежит пить и в каком порядке. Выезд полковника, теперь уже с сопровождением казаков, двигался не спеша, что приводило Катерину в ужасное расстройство. Ну не умела она долго сидеть на одном месте. Горячая, порывистая девушка все время порывалась куда-то бежать, ехать или скакать. Усидеть на одном месте долго ей было просто невыносимо.

Сопровождавший их выезд Шатун тоже был не сильно рад такому медленному продвижению, но держал себя в руках, старался погрузиться в обеспечение режима секретности при перевозке полученных от князя документов. Прятать что-то от казаков было бессмысленно. Сундук в фургон они и грузили. Но о его содержимом было известно только Руслану и самому князю. Бойцам шатун сказал, что по его просьбе Тарханов закупил кое-какие химикаты для очередной серии опытов. Этого оказалось достаточно. Вся команда парня знала, что Руслан постоянно занимается всякими опасными экспериментами, и потому химикаты, необходимые для этого, требуют особых условий хранения. В общем, меньше знаешь, крепче спишь. Именно по такой схеме казаки отнеслись к огромному, тяжеленному сундуку. Сказали погрузить, погрузили. Скажут выгрузить, выгрузят. А с остальным пусть командир сам разбирается. Он для этого по заграницам учился.

В общем, особых опасений у парня режим сохранения секретности не вызывал. Осталось придумать, где именно этот сундук спрятать. Поначалу Шатун решил было завезти его в мастерскую и сунуть под один из стеллажей. Но потом, вспомнив, что работа с нитроглицерином это своего рода рулетка, передумал. Рванет взрывчатка, и сгорят бумаги синим пламенем. Так что придется искать или изобретать какой-то тайник. Само собой, самым удобным было бы упрятать сундук в строящемся доме. Но там на данном этапе постоянно крутятся разные люди, а сам Руслан бывает в доме от случая к случаю. Так что, пока стройка не закончится, этот вариант тоже отпадает. На стоянке парень забрался в фургон и, осмотрев навешанный на сундук замок, задумчиво хмыкнул. Сковырнуть этого монстра было проще, чем воды попить. Механизм был крупным, грубым и ненадежным. Так и не придя к какому-то конкретному решению, Шатун выбрался из фургона и с ходу наткнулся на стоящего у фургона Романа.

– Ты чего суетишься, княже? – удивился следопыт, осматривавший колесные ступицы транспорта.

– Да химикаты свои проверял. Не приведи господь, разольется чего, беды не оберемся, – вздохнул Руслан. – Чего тут? – кивнул он на ступицу.

– Скрипеть начала, зараза, – скривился казак. – А скрип этот за версту слышать можно. Может, малость жира бараньего растопить, за залить до дому?

– Тогда поднять его надо, и колесо провернуть несколько раз, чтобы жир по всей ступице размазать, – подсказал Шатун.

– Сделаем. Вон, жердиной навалимся, да поднимем, – нашелся следопыт.

– Добре, делайте, – кивнул Руслан, заметив, что к ним направляется Катерина.

– Руслан Владимирович, мы что, будем ночевать прямо в поле? – удивленно поинтересовалась девушка.

– В степи, сударыня, – поправил ее Руслан. – Увы, постоянных дворов на нашем пути не имеется. Так что придется потерпеть. Зато завтра днем уже будете в городе.

– А вы, когда в Краснодар ехали, тоже так ночевали? – тут же последовал вопрос.

– Всякое бывало, – пожал Шатун плечами. – Но в этот раз ехали без остановок. Рысью шли, чтобы коней не запалить.

– Ночью? – еще больше изумилась Катерина.

– Мы привычные. Можем и ночью, – хмыкнул Шатун, глядя, как казаки обихаживают коней.

Где-то в ночи прозвучал долгий волчий вой, и девушка, услышав его, зябко поежилась.

– Не бойтесь. Нас много, так что близко они не подойдут, – поспешил успокоить ее Руслан.

– Я не волков боюсь. Я за лошадей беспокоюсь, – вздохнула Катерина. – Сорвутся, придется пешком отсюда уходить, весь скарб бросив.

– Не сорвутся, – отмахнулся Руслан. – Казаки мои люди опытные. Не в первый раз в степи ночуют. К тому же мы еще и караул выставим.

– Думаете, что можете предусмотреть все на свете? – поддела его девушка.

– Все не можем, но мы стараемся, – отшутился Руслан.

Между тем казаки уже развели костер и, подвесив над ним котелок, принялись варить кулеш. Второй котелок, для чая, уже дожидался своей очереди. Тащить за собой полевую кухню Руслан счел особым видом извращения. Провести сутки в седле, питаясь сухим пайком, ни для него, ни для его бойцов не было никакой проблемой. Полоски пряного вяленого мяса и сухари имелись в ранце у каждого. Как и небольшой глиняный горшочек с медом, вместо сахара. Крышки этих горшочков прижимались к самим горшочкам при помощи кожаной прокладки и системы металлического запора, так что потерять продукт никто не опасался. Для семейства полковника слуги развели отдельный костер, и вскоре Катерину позвали ужинать. Руслан уже привычно уселся на седло рядом со своими бойцами и, получив от кашевара миску кулеша, с удовольствием запустил зубы в сухарь. Поужинав, он попил чаю и, поднявшись, не спеша обошел лагерь, проверяя, как расставлены посты. От своего костра его окликнул полковник.

– Присаживайтесь, князь, – предложил Вяземский, указывая на полено, брошенное рядом с костром. – Я смотрю, вы в походе со своими казаками из одного котла пищу принимаете.

– Всегда так было, – равнодушно пожал парень плечами.

– Я не в укор, князь. Наоборот. Признаться, меня это зрелище порадовало. Это означает, что вы со своими солдатами близки и цените их, – одобрительно проворчал полковник. – Было время, я и сам так же поступал. Потому и ценили меня в армии. Да только любовь нижних чинов не приносит ни уважения начальства, ни продвижения по службе.

– Так всегда бывает, – кивнул Руслан. – Мы с вами, господин полковник, люди военного времени. Когда идет война, кто-то должен рисковать жизнью, чтобы защитить свою землю. А в мирной жизни мы слишком неудобны. Говорим, что думаем, спину перед начальством не гнем. Но мне грех жаловаться. Карьера моя, можно сказать, состоялась. Для нашей службы мое звание и чин это уже величина. Дальше только кабинетная работа, а ее я терпеть не могу.

– Понимаю, – неожиданно рассмеялся полковник. – Обменять всю эту волю на пыль кабинетов сложно, – пояснил он, обводя рукой степь вокруг. – Эх, где мои двадцать лет?!

– Там же, где и мои девятнадцать, – усмехнулся Руслан ему в тон.

– Прошу простить мою дерзость, князь, это вас на службе так? – осторожно поинтересовался Вяземский, указывая пальцем на лицо.

– Да. Взрывом, – коротко пояснил Руслан. – Уж простите, но больше сказать не могу. Думал, не выживу, но бог миловал. Обошлось. Только теперь улыбаться не могу. Больно. Да и улыбка моя больше оскал напоминает.

– Однако, – удивленно покачал полковник головой. – Говорят, вам и тут уже несколько раз досталось.

– Угу. Месяц назад османов на границе в Армении отбивали, получил пулей по голове вскользь. Контузило, – вздохнул Руслан, снимая папаху и демонстрируя шрам на черепушке. – А до этого в спину пшек один выстрелил. Снова уберег Господь. В пряжку ремня сумки попал. Пулю разбило. Несколько ребер сломало. В общем, обошлось.

– А не надоело судьбу испытывать? – неожиданно спросила Катерина, внимательно слушавшая их разговор.

– А я, Екатерина Павловна, судьбу не пытаю. Я Родине служу, – повернулся к ней Руслан. – Как некогда и батюшка ваш служил, и другие офицеры, что не на паркетах чины да звания выслуживали, а вот так, в поле. Это, простите великодушно, и есть суть слова дворянство. Служение трону и государству. Для того оно и создано было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.